

A detailed illustration of a crime scene. The background is a light yellowish-white with a fine grid pattern. A large, irregular red stain, resembling blood, is spread across the scene. In the center, a black bullet casing lies on the ground. To the left, a red fingerprint is visible. In the top left corner, a silver bullet casing is shown. In the top right, a black fingerprint is visible. In the bottom right, a silver bullet casing is shown. The overall scene is dark and somber, with a focus on forensic evidence.

Натали Рафф

Убийство - дело житейское

16+

Натали Рафф

Убийство – дело житейское

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Рафф Н.

Убийство – дело житейское / Н. Рафф — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Первый роман из цикла: "Опасные игры непреклонных дам преклонного возраста", содержащего романы, повести, сказки и мифы, повествующие о женщинах, авантюры которых повлияли на исход событий, имеющих, зачастую, решающее значение для судеб мира. Герои произведений – это богини различных эпосов, стоящие у истоков земных цивилизаций, правительницы, находящиеся под их непосредственным покровительством, современные интеллектуалки, не утратившие связь с потусторонними силами, и, наконец, дамы в возрасте, в любых ситуациях полагающиеся на собственные ум и волю.

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Часть 1

В лабиринтах любого разума царит свой Минотавр

1

Было невыносимо душный летний полдень, когда Эвелина Родионовна Пазевская вернулась с рынка домой. К этому времени жгучее азиатское солнце уже успело раскалить город добела, и под его ослепительными лучами восточный базар полыхал всеми оттенками ханат-ласа. Было почти 42 градуса в тени, однако, женщина этого не замечала: ее знобило, ощущение не проходящей усталости усугублялось тяжелой депрессией. Эвелина открыла дверь своего дома и медленно вошла. Внутри было прохладно и тихо. Старая дореволюционная постройка со стенами толщиной в метр надежно предохраняла помещение от зноя и городского шума. Лина еще не привыкла ни к своему одиночеству, ни к гробовой тишине, царившей в доме, а потому сразу же включила радио. Передавали сводку погоды. Сообщали, что по прогнозам синоптиков первая декада июля 1974 года ожидается самой жаркой за последние двадцать восемь лет. Женщина побрела на кухню, водрузила кошелку с продуктами на стол, поставила чайник на газ и вяло опустилась на табурет.

– Двадцать восемь лет... почти половина моей жизни, – пробормотала Пазевская и принялась разбирать принесенные овощи. Чуть позже, переодевшись и заварив дрожащими руками зеленый чай, она села за стол и глубоко задумалась. Ей припомнилось, как осенью 1941 года их семья попала в этот дом. Тогда им, четверем измученным эвакуацией женщинам – ей, матери и двум сестрам – после ужасов фашистских бомбежек и грязи забитых до отказа вагонов с беженцами, он показался оазисом, в котором их ожидает тишина и надежда. Первой порог переступила Лариса – младшая сестренка. В сорок первом ей было шестнадцать лет. Тогда она была хорошенькой, живой, черноглазой девушкой.

Лина налила в пиалу чай. Тяжелые слезы тяжелыми каплями падали в кипяток: Ларочку Эвелина Родионовна похоронила около двух лет тому назад. Жизнь у сестры не сложилась: ни интересной профессии, ни семьи. Чтобы не чувствовать себя пустоцветом, она посвятила себя воспитанию двух дочерей Эвелины. Когда девочки выросли и разъехались, Лара сразу потеряла интерес к жизни, как-то сникла и вскоре умерла от лимфогранулематоза.

– Похоже, рак, унесший ее так рано – следствие отчаяния и тоски, снедавших ее много лет. Хотя, кто знает, может такова наследственность. Мама тоже скончалась из-за него! Но ей было шестьдесят пять лет, а Ларисе не исполнилось и пятидесяти. Вообще-то, это странный дом... Вроде бы, жили мы в нем не плохо, но смерть уносила отсюда всех в самом расцвете сил!

Воспоминания овладели Эвелиной Родионовной и перед ее внутренним взором встали события 1952 года. Тогда здесь, на этой самой кухне покончил жизнь самоубийством ее муж, Александр Пазевский. Он был хирургом. Все утверждали, что он – врач от Бога. Сашу Лина обожала. Их роман начался еще в Киеве, накануне войны. Они даже успели прожить вместе полгода прежде, чем он ушел на фронт. В сорок четвертом после серьезного ранения Александр приехал к ним, в Среднюю Азию, полный надежд и любви. Вскоре Лина подарила ему дочь – Танечку. В тот же год Пазевского назначили начальником военного госпиталя. Он оперировал, спасая всех, кого было возможно, работал, не щадя себя, до тех пор, пока в 1952 году в разгар антисемитской компании против врачей, им конфиденциально не сообщили, что Александра должны арестовать по сфабрикованному против него уголовному делу о вредительстве. Друзья так же предупредили их, что есть распоряжение, по которому после ареста Пазевского его жену и дочь, как семью репрессированного еврея, предполагают выслать в Сибирь – они были в списках тех, кого НКВД предполагало депортировать. Саша во время войны повидал многое, а потому не имел никаких иллюзий по поводу советского правосудия. К тому же, он

был отличным специалистом. Что он принял, Лина не знала. Скончался Пазевский быстро и, как ей показалось, без особых мучений. После его кончины к Эвелине Родионовне – русской, урожденной Хидновой и ее семилетней дочери Тане у советской власти никаких претензий не осталось. В тот момент Эвелина, наверняка, сошла бы с ума, если бы не обнаружила, что ждет ребенка. Через восемь месяцев у нее появилась Леночка – это было самое дорогое, что оставил ей муж после двенадцати лет семейной жизни.

Эвелина подошла к секретеру, вытащила папку с документами и достала из нее потрепанный конверт, это была последняя весточка от мужа. Через месяц после его гибели это письмо вручил ей приехавший в город командир погранотряда Павел Прядин. Александра за неделю до предполагаемого ареста отправили на границу оперировать Павла, получившего там чрезвычайно серьезное ранение.

В записке Саша прощался с Линой и умолял ее записать Танечку при получении паспорта русской, он не хотел, чтобы, став взрослой, она оказалась очередной жертвой в систематически повторяющихся в стране кампаниях по спасению коренного населения от засилья инородцев. Таня выполнила его волю. Теперь ей двадцать девять лет, она живет в столице республики с сорокалетним мужем Михаилом Рийденом и его пятнадцатилетней дочерью от первого брака Валентиной.

– Танюша всегда была разумной, мягкой и покладистой девочкой, не то, что Лена. Это же просто смерч! Бунтарка какая-то! – размышляла Эвелина Родионовна. – Скорее всего, на формирование ее характера повлияла та ненависть, что терзала меня во время беременности.

И действительно, Елена сделала то, на что никто из окружающих семью Пазевских не решался. После окончания школы она отправилась в Москву, объявив дома, будто собирается поступать в МГУ. Однако в университет даже не стала подавать документы. Вместо этого в Москве связалась с правозащитниками, и вскоре демонстративно вышла замуж за одного из руководителей этого движения. Через несколько месяцев Лену вместе с мужем выдворили из страны.

Бережно сложив письмо мужа в папку, Эвелина Родионовна сняла с верхней полки стеллажа часть книг и вытащила спрятанную за ними узкую, длинную картонную коробку. Открыв ее, она пробежалась пальцами по плотно уложенным в нее купюрам и расплакалась. Сколько было с ними связано надежд! Эти деньги ее друг Евгений Фаргин выручил, продав свою квартиру. Он продал ее, так как переехал жить к Эвелине, с которой встречался на протяжении последних пятнадцати лет. Перебрался к Лине он уже после того, как эмигрировала Лена, и умерла Лариса.

Пазевская и Фаргин предполагали оформить свои отношения, планировали встретить старость в достатке, любви и спокойствии, но полгода назад, двадцать восьмого декабря Евгений погиб. Его смерть была нелепой, трагической случайностью.

Во дворе дома Женя возился с машиной. Переливая бензин из канистры в бак, он закурил и неловко отбросил горящую спичку. Предполагал, что выкинул ее в снег, а она попала на перепачканные бензином брюки. Рвануло так, что сбежалась вся округа. Новый 1974 год Лина, зареванная и почерневшая от горя, встречала в семье своей старшей сестры Ирины Родионовны Хидновой. Муж Иры, Андрей Гаврилович, и их разведенная двадцати семилетняя дочь Марина, приехавшая из столицы на праздники домой, даже и не пытались Эвелину утешать.

Мысли Пазевской перескакивали с одного факта ее жизни на другой; несмотря на жару, ее прошибал холодный пот.

– Я отлично понимаю, что со мной. У меня та же ситуация, что была у мамы и у Лары. Пока не поздно, надо дом оформить так, чтобы он достался Тане. Леночка в Израиле... Зачем ей развалюха, находящаяся в столице Советской Автономной республики? Надо посоветоваться об этом с Ирой, и не затягивать дело. И о том, что произошло у меня на работе, надо рассказать. Мы давно не говорили по душам. Полагаю, она не в курсе событий. Ириша – врач и

очень трезвая женщина, а потому все, что случилось со мной, воспримет без истерики. Думаю, у себя в больнице она повидала такое, что ее уже ничем не выбьешь из колеи.

Поглядывая на часы, Эвелина Родионовна взяла телефонную трубку.

– Без четверти час. У Ирочки обеденный перерыв. Она, наверняка, в своем кабинете, и ее не придется разыскивать по всему отделению.

2

Поздно вечером, за скромно сервированным столом сидели Лина и Ира. Сестры вспоминали свое детство и юность, прошедшие в Киеве, родителей, учителей. Неожиданно Эвелина разоткровенничалась:

– Знаешь, Ириша, я ведь всю жизнь хотела быть похожей на тебя. Ты такая рассудительная, выдержанная. Я тебе никогда не говорила, но с юных лет я только поэтому и высветляла волосы. Мне не нравилось, что я такая чернушка. К сожалению, мы с Ларисой пошли в маму. К чему это я? Да... Думаю, ты как врач заметила, у меня та же хворь, что была у них... И не начальная стадия. Процесс, по-моему, в самом разгаре. Не таращи глаза и не маши руками. Пойми, я давно в курсе того, что со мной происходит. Но я уже ни о чем не жалею... Я всегда старалась жить по душе и по совести. Хотела, чтобы всем, кто со мной рядом, было хорошо. Теперь устала... Все, что было в моих силах сделать в этой жизни, я уже сделала: дочерей пристроила, своих мужчин проводила, за мамой и за Ларой ухаживала до последнего... Сейчас осталось только подумать о том, как оформить этот дом. Хочу, чтобы он достался Тане. Продать его не могу – здесь прошла наша молодость. Да и для Танечки это капитал. Пригодится на черный день. Я понимаю, сделать это не просто – у нее же столичная прописка.

– Я согласна с тобой, у Татьяны жизнь не простая. Мало ли, что может случиться, а у нее – никаких запасов.

– Не гневи Бога, Ириша! У нее все нормально. И на работе, и в семье. Она заведует библиотекой и пользуется там большим авторитетом. Муж у нее – солидный человек. Положительный. Докторскую недавно защитил. Без пяти минут профессор. Конечно, он старше нее на тринадцать лет, но я в этом большого греха не вижу. Саша ведь тоже был намного старше меня. Поначалу, все осуждали наш союз. Потом привыкли. Главное, мы были счастливы. К тому же Танина падчерица уже взрослая. Глядишь, скоро свою семью заведет.

– А сколько лет Валентине?

– Шестнадцатый пошел. Трудный возраст. Пока была маленькой, Таня с ней ладила. Теперь стало сложнее. Ну, ничего! Мать Миши, Ефросинья Павловна, во внучке души не чает. Валя у нее проводит много времени. Похоже, они отлично понимают друг друга.

– Линочка, позволь я тебя прощупаю?

– Попробуй, сама увидишь... У меня лимфоузлы, как сливы! Все так, как было у мамы и у Лары. Только, умоляю, не уговаривай меня делать химиотерапию. Мама не лечилась и быстро ушла. А Лариса... Я не хочу, так как она. Лысая, страшная и так долго мучилась!

Ирина Родионовна осмотрела сестру, потом опустилась на стул и тихо спросила:

– Ответь мне на один вопрос, дорогая! Только честно. Сейчас, конечно, в музыкальном училище каникулы, и ты сидишь дома. Но, что у тебя там произошло? Что с твоей работой, с твоими учениками? Похоже, ты на эту тему даже думать не можешь... Сколько я тебя помню твои мысли всегда были заняты музыкой. А сегодня ничего не говоришь ни о коллегах, ни о своих воспитанниках. Даже в феврале, после сороковин по Жене, ты строила планы относительно своих студентов. А сейчас подводишь итоги всей жизни, а о работе – ни слова.

– В училище у меня вышла премерзкая история. Она меня и добила. После нее я человек конченный. Сейчас расскажу, только коротко. Не могу распространяться на эту тему. Ты, наверняка, помнишь, что после поминок я, чтобы немного взбодриться, поехала в Киев. Остановилась у знакомых и пошла в консерваторию – хотела узнать хоть что-то о тех, с кем училась. Сама понимаешь, выпускников сорок первого года найти почти невозможно. К моей радости, я

встретила мою бывшую сокурсницу Майю Гаврилину. Она там процветает. Доцент по кафедре камерного ансамбля. Много гастролирует. Мы провели вместе несколько дней, а на прощанье она сделала мне подарок. Альбом с репродукциями картин Пикассо и аудиокассету с записями известного французского пианиста. Тот играет цикл фортепианных пьес Мессиана под названием «20 взглядов младенца Христа». Все это Майя привезла из Франции... Я вернулась и через несколько дней здесь, дома, собрала свой класс. Ребята послушали кассету, я рассказала им о Мессиае, о Пикассо, о роли кубизма в его творчестве. Потом мы посмотрели альбом. А через неделю меня вызвала к себе Джамиля Азарханова – она уже полгода, как у нас директор, и предложила добровольно покинуть училище. Она мне официально сообщила, что родители моих учеников написали на меня коллективную жалобу, а копии отправили по инстанциям. В ней меня обвинили в навязывании молодежи религиозного мировоззрения, пропаганде буржуазной идеологии и распространении среди студентов контрабандной продукции.

– Это тебе сказала Азарханова? Она же твоя ближайшая подруга! Неужели Миля не смогла замять это дело?

– Понимаешь, она мне доходчиво объяснила, что, выгоняя, спасает меня от более крупных неприятностей. Суть проста, коли я сама не подам заявление об уходе, парторганизация возьмет это дело в свои руки. Она науськает на меня медиков, те признают меня невменяемой и засадят в психушку.

– О, Господи! Линочка, родная! Почему ты мне об этом не сказала? У меня в терапии лечится вся наша верхушка. Я бы помогла тебе выпутаться!

– О чем ты говоришь, Ира! Я еще тебя не подставляла! Я слишком хорошо помню потоки клеветы и грязи вокруг Саши. В глубине души я понадеялась, что Джамиля уничтожит эту кляузу. Мы все-таки близкие подруги. Дружим и работаем вместе четверть века! Да ты помнишь – до того, как стать директором, она отсюда не вылезала... Вечно жевала деликатесы, которые доставал Женя. Но не тут-то было! Миля заявила, что уже рискнула из-за меня головой, припрятав второй донос. Там говорится, будто я враг народа, потому и воспитала младшую дочь в духе оголтелого сионизма. Ну и муж мой Пазевский врач – преступник. Был замешан в убийстве защитников Родины. Потому и отравился! Знал, что виновен, и боялся разоблачения.

– Ну, и?

– Я поблагодарила подругу за заботу и ушла. Потом я заболела. Ты же сама тогда целую неделю ко мне бегала делать уколы! А после... После я подала заявление и в конце апреля, в день моего пятидесятилетия, стала пенсионеркой. Тогда я и подвела черту под своей жизнью. Ужасно захотелось к маме и Ларисе, к Сашеньке и к Жене... С тех пор все и покатило под гору... Слава Всевышнему, в средствах не нуждаюсь – деньги Фаргин оставил. Есть на что устроить по мне поминки... Полюбуешься, с каким восторгом на них обопьются и обожрут мои дорогие ученики и их благодарные родители! Этих бумажек хватит даже на стопудовый памятник. Под руководством г-жи Азархановой им меня и придавят. Припечатают так, что если и будет воскресение из мертвых, я все равно останусь в земле! Не смогу выбраться...

– Так ты сутками сидишь дома одна и даже неходишь к роялю? В нем же была вся твоя жизнь! Ты даже во время войны, после голодных обмороков, занималась. А как ты блистала на выпускных экзаменах из консерватории! Я до сих пор помню овации, которые тебе тогда устроили. Ну, а здесь ты сколько играла?

– Да, занималась. Когда надеялась на признание. Когда полагала, что моя музыка нужна людям. А сейчас... После того, что произошло, кажется, будто душу вырвали и нагадили в нее. Не могу у рояля крышку поднять. Такой спазм начинается... Сердце комком к горлу подкатывает и трясет... За десять минут давление взлетает на тридцать единиц.

Ирина встала из-за стола и усталой походкой направилась во двор. Она не видела ничего вокруг. Она думала о сестре, и о том, что через несколько месяцев навсегда опустеет этот дом.

– Какая Лина у нас стойкая! С каким достоинством держится. Она столько пережила, ухаживая за мамой и за Ларисой. А как мужественно перенесла гибель Жени! Ах, сестренка, как же бесславно закончилась твоя, так блистательно начатая карьера!

Ира хорошо помнила, что в юности Эвелина, как пианистка, подавала большие надежды. Однако, война, раннее замужество и рождение дочери помешали ей, как музыканту реализоваться в полной мере. Между тем, Лина, души не чаявшая в Пазевском, не считала свой отказ от сцены из-за семьи чем-то из ряда вон выходящим. Ради Саши она готова была пожертвовать всем, чем угодно, в том числе и собственными амбициями, а потому чудом уцелела после его самоубийства. Ира подметила, что сестра, пережив эту трагедию, внутренне переродилась. Она охладела к сексу, вся ушла в преподавание и стала ежегодно давать концерты, в общем, с головой погрузилась в свою профессиональную деятельность. Было ли это сублимацией, Ирина утверждать не бралась. Главное, что Эвелина прекратила всерьез воспринимать любые, даже самые назойливые ухаживания мужчин. Она стала относиться к ним, как к игре, которую неизменно затевает любой дееспособный самец, сталкивающийся с приглянувшейся ему самочкой, и за этим не стоит ничего, кроме ритуала, в основе которого лежат природное любопытство и жажда новых ощущений. Именно поэтому в отношении с поклонниками Лина перестала вкладывать душу: она была с ними по-светски любезна и чуточку иронична. Преображалась Эвелина только тогда, когда садилась за рояль. Она молниеносно сбрасывала с себя оковы куртуазности и становилась предельно серьезной, предполагая, что имеет дело с абсолютно материальной, до боли осязаемой реальностью. Ирине Родионовне было ясно: сестра фетишизирует музыку, воспринимая ее, как единственный язык на земле, полученный людьми не от лукавого. Из-за этого общение на нем доставляло ей более глубокую радость, чем эротика, которую после смерти Саши она стала ценить не более чем вкусную еду и полезную для здоровья гимнастику. Ира предполагала, что Эвелина убедила себя, будто после пережитого утратила способность любить по-настоящему. Вероятно, поэтому она и не стремилась оформить свои отношения с Фаргиным. Между тем, это было ее очередным заблуждением: любому, кто с ними сталкивался, было ясно, что они искренне привязаны друг к другу.

– Да... После всех несчастий лишиться сестру работы – равносильно ее убийству. Будь наш город культурным центром, у Лины кроме учеников были бы и другие единоверцы. В мегаполисах всегда полно музыкальных фанатов... Они постоянно тусуются, создавая свои святилища вокруг обожаемых исполнителей. В свое время на всю страну прославились «Лемешистки» – поклонницы знаменитого московского тенора. Но у нас такое немислимо. Здесь культурный вакуум, одним словом, провинция: нет ни симфонического оркестра, ни оперного театра... Нет даже настоящих меломанов. Есть только узкий круг интеллигенции, стремящейся дать своим детям приличное образование. В городе всего три музыкальные семилетки и одно училище. Преподают там только местные, те, кто уезжали получать образование в столичный Институт Искусств, а после его окончания вернулись. Среди этой публики Эвелина, блестяще окончившая Киевскую консерваторию, звезда первой величины... Непонятно одно: почему на нее накатали «телегу» именно те, кто больше всего заинтересован в ее дееспособности? Здесь ведь считается очень престижным пристроить свое чадо именно к Пазевской! Самое ужасное, что доносы на Лину – не просто бытовуха... Они с политическим душком... Понавесили на сестру такие ярлыки! С ними, действительно, нет выбора: не уйдешь сама, так сгноят. По всем правилам укутут в дурдом! Что поделаешь, «идеология»... Господи, зачем теперь-то думать на эту тему? Пустое мозгокрутство. Какое сейчас это уже имеет значение?

Ира понимала, сестра на свой счет не заблуждалась: все признаки болезни, унесшие их мать и младшую сестренку, у нее были налицо.

– Что и говорить... Все они одной породы – открытые, впечатлительные, одаренные... Слава Богу, я пошла в отца. Не так привлекательна, как они, зато у меня ясная голова и я крепко стою на ногах! В жизни бы не стала рисковать своим благополучием из-за каких-то там

Мессианов или Пикассо! Наверняка, долгожители и сказочно богаты! Это надо же! Сломать себе жизнь из-за любви к просветительству! Романтический бред! Было бы из-за кого так рисковать! У Лины же не класс, а отделение для слаборазвитых! Хотя, что я-то ворчу? Похоже, вонзиться с убогими и несчастными наше фамильное призвание.

Ирина вернулась в комнату и застала Лину за уборкой посуды. С болью в сердце глядя на сестру, она решила отвлечь ее от тягостных мыслей.

– Скажи, родная, а ученики тебя навещают?

– Нет.

– Ну, хоть изредка звонят?

– Нет.

– Ну, а коллеги, приятели, поклонники твоей игры?

– Нет, Ириша. За полтора месяца ни единого звонка. А если видят в городе, обходят за квартал. Делают вид, что не знакомы. Будто я – пустое место.

От таких ответов у Ирины Родионовны перехватило горло, и она с трудом прохрипела:

– А как дела у Тани? Она звонит?

– Звонит, но только по воскресеньям. К сожалению, ее плохо слышно. Мне кажется, что у нее голос чересчур вялый. Хотя, возможно, это из-за плохой связи. Несколько раз я пыталась с ней переговорить, звонила сама, но никак не могу застать дома. Если она свяжется с тобой, ты не говори ей, что я безработная и больная. У нее своих забот по горло. Еще успеет со мной намучиться.

Ирина сидела молча, уставившись в пол. Тем временем Лина поставила на стол фрукты и конфеты, а потом принесла чай.

– Не убивайся так, Ириша! Я уже спокойна, смирилась с неизбежным, и ни о чем не мечтаю. Жаль только, что мне не суждено увидеть своих внуков. Ну да ладно... Не многие из моего поколения дожили и до моего возраста. Я среди своих погодков просто долгожительница. Столько погибло...

По лицу Лины беззвучно потекли слезы, и она замолчала. В комнате воцарилась гнетущая тишина.

– Мне пора собираться, сестренка. Поедем ко мне, еще не поздно, всего десять часов... Посидим втроем, муж уже дома. Я вас покормлю, – предложила Ира.

– Спасибо, родная, не могу. Сил нет. А ты беги, только не забудь, поговори с друзьями о том, что делать с домом. Я бы его на тебя переписала, это, по-моему, сделать попроще. В общем, все разужнай. Я тебе полностью доверяю. И поцелуй за меня супруга. Андрей у тебя мужик, что надо. В его возрасте быть начальником цеха и за все отвечать... Ему, кажется, скоро шестьдесят лет?

– Да, Линочка, осенью у него юбилей. Ты уж дотяни до него, постарайся!

Тяжело вздыхая, Ирина Родионовна села у зеркала в прихожей, чтобы перед дорогой привести себя в порядок. Резкая трель междугороднего телефонного звонка вывела женщину из оцепенения. Хозяйка взяла трубку в гостиной, но через минуту крикнула сестре, чтобы та немедленно подошла к аппарату, расположенному в прихожей.

– Девушка, пожалуйста, повторите еще раз то, что Вы сказали. Я толком не расслышала, – пролепетала насмерть перепуганная Пазевская.

– Вы Эвелина Родионовна, мать Тани Рийден?

– Да, а что случилось?

– Меня зовут Софа, я подруга Тани. Ваша дочь уже неделю находится в психоневрологическом диспансере в отделении моего мужа Милюкова Митрофана Алексеевича. Таня от вас скрыла, она очень серьезно больна. Ее активно лечат, и ей требуется усиленное питание. К сожалению, об этом позаботиться некому. Ее муж занят на работе, а свекровь с падчерицей уехали в дом отдыха. Не скажу точно, но говорят, будто у Ефросиньи Павловны был инфаркт,

и сейчас она находится на стадии реабилитации. За Таней по моей просьбе присматривала одна нянечка, но сегодня ночью мы с мужем улетаем на курорт, поэтому я и рискнула вам позвонить. Вместо Мити остается его заместитель – Загорина Анна Петровна. Она отличный специалист, чудесный человек, и все что нужно сделает. Но вот принести еду Тане не кому.

– Спасибо, Софа, что предупредили. Я – Танина тетя. Обещаю, что уже завтра кто-нибудь из нас к ней приедет, – отозвалась Ирина Родионовна. Миликова, попрощалась и повесила трубку.

– Прекращай реветь, Лина. Я пойду домой, все обдумаю и через пару часов с тобой свяжусь!

В полночь Ирина Родионовна позвонила сестре и сообщила, что утром вылетает в столицу, чтобы забрать Таню. В аэропорту ее встретит Марина и поможет все организовать.

– Тебе не удастся привести Таню... Как ты раздобудешь ее паспорт? Квартира ее заперта, Михаила не сыщешь, а без Таниных документов тебе не продадут для нее билет на самолет.

– Ничего, не найду Мишу, так дозвонюсь его отцу, Алкису Степановичу. Он поможет, все-таки полковник милиции. Не волнуйся, привезу к тебе дочь, а ты не кисни, и сама будь наготове. Немного помилуетесь, а потом я вас заберу к себе в больницу. Вас посмотрит главный врач, а после решим, что делать. И не паникуй! Насильно тебе никто химиотерапию делать не станет. Обнадеживаться не берусь, но у нас в резерве есть один нетрадиционный вариант лечения.

3

Ирина Родионовна привезла Таню на следующий день ближе к вечеру, поэтому решила оставить ее на ночь у матери. Анна Петровна Загорина снабдила молодую женщину всеми необходимыми лекарствами, так что беспокоиться было не о чем. Ира очень устала, но была удовлетворена результатами своей поездки: ей удалось под расписку забрать из клиники племянницу, вырвать из рук Рийденов ее паспорт, после чего благополучно доставить домой. К тому же Ира полдня провела с дочерью, которая встретила ее в аэропорту.

– Нет, слава Богу, Мариночка не похожа на Таню! – рассуждала Ирина, вспоминая события прошедшего дня. – Моя дочь из другого теста! Выгнала своего паршивца – мужа, отсудила квартиру, а теперь завела друга. Он – парень симпатичный, отличный журналист, и к тому же не нищий. Если бы не он, мы бы измотались вконец. А на его машине все провернули за несколько часов. А вот Танечкин Миша, хоть и выглядит интеллигентно, мерзавец, каких мало. Если бы не его отец, в жизни бы паспорт Тани не отдал. Когда приехали к нему домой, даже за порог не пустил! Хорошо, что потом нашли Алкиса... Солидный мужчина, положительный, типичный прибалт. За таким, как за каменной стеной. Повезло этой уродине Ефросинье! Корчит из себя рафинированную дамочку, а на деле – тупая училка с фашистскими замашками. Представляю, как ее ненавидели школьники, у которых она вела математику. А сколько гонора! Вместо Фроськи нарекла себя Евой! Тоже мне, г-жа Браун нашлась! А Алкис вокруг нее скачет, да жужжит: – Евочка, Евочка, дорогая, ты только после санатория, еще не здорова, у тебя мало сил, а нашей невестке нужен уход. Позвони Мише, объясни, что Татьяне будет лучше дома у тети и у матери. Там ей создадут все условия для выздоровления. Нельзя допустить повторения старой истории... Кстати, о какой истории он упоминал? Пожалуй, это был решающий аргумент. Он так подействовал на Фросю, что она сразу же схватилась за телефон. Судя по разговору, Миша очень не хотел отправлять Таню к нам. Только после того, как мать сказала: – Будет гораздо лучше, если на этот раз вся эта канитель закончится не здесь, – тот согласился отдать паспорт жены. Похоже, за спиной у этой семейки уже есть какое-то грязное дело!

Ирина Родионовна переделалась, приняла душ и села в кресло. Андрей Гаврилович накрыл на стол, вытащил бутылку водки и предложил жене отметить успешное завершение операции по похищению племянницы. Ужин прервался телефонным звонком. Ире пришлось, отодвинув недопитую рюмку, взять трубку. Звонил главный врач ее больницы Иван Петрович Сидоренко по чрезвычайно важному для их семьи делу...

А в это время Эвелина Родионовна и Таня – две беззаветно любящие женщины, избегая смотреть друг другу в глаза, обменивались малозначительными фразами. Лиана, украдкой поглядывая на дочь, с болью думала:

– Что приключилось с Танечкой? На кого она стала похожа? Какое на нее свалилось несчастье? Еще в феврале она выглядела, как девочка. А сейчас – толстая, старая тетка с лицом олигофрена.

– Что произошло с мамой? – испуганно спрашивала себя Татьяна. – У нее вид такой же, какой был у тети Лары во время болезни... Неужели, мама следующая? Проклятая наследственность! Жить тошно: кругом только ужас, страдания и смерть.

Часам к одиннадцати ночи жара спала. Таня, расположившись в шезлонге на террасе, молча смотрела на звезды. Эвелина Родионовна, закончив поливать двор, купалась в душе. Вялую тишину дома спугнул резкий звонок в дверь. Таня медленно поднялась и пошла открывать. За порогом она с удивлением обнаружила Ирину Родионовну с мужем.

– Не пугайся, племянница! Мы прогуливались поблизости и не удержались, зашли. Андрей захотел с тобой пообщаться. Ну, а я решила поболтать с сестрой.

Лиана вышла из ванны и, увидев гостей, обрадовалась – разговор с дочерью не клеился: обе были переполнены собственной болью, а потому молчали, щадя друг друга. Андрей Гаврилович принялся по мере сил развлекать племянницу, а Ирина, затащив сестру на кухню, приступила прямо к делу.

– Мне звонил Иван Петрович, главврач нашей больницы, он обещал завтра положить к нам Таню в нервное отделение в двухместную палату. Загорина, передавая мне ее под расписку, отменила предписания Миликова. Она назначила совершенно другие препараты. Считает, что Митрофан Алексеевич ошибся, когда ставил ей диагноз. По ее мнению, Таня еще сможет вернуться к нормальной жизни, хотя на это уйдет не мало времени.

– А что с ней произошло?

– Пыталась покончить с собой. Повесилась дома, в гостиной. К счастью, крюк только выглядел, как металлический. На самом деле это была протертая пластмасса! У Танюши, скорее всего, был крупный нервный срыв, но Миша, как я догадываюсь, такое наплел Миликову, что тот решил, будто у нее серьезные отклонения в психике, и поместил в инсулиновую палату... Я полагаю, через какое-то время Танечке у нас будет полегче. Она придет в себя, и все тебе расскажет. Похоже, там грязная семейка, хотя я сомневаюсь, чтобы кому-то удалось с ними разобраться. Теперь насчет тебя. Дело оказалось на редкость пакостным. Кто-то пустил по городу слух, будто ты, когда ездила по тур путевке в Италию, спуталась там с каким-то престарелым черномазым наркоманом из дешевого джаза и подцепила от него иммунодефицит. Об этой заразе здесь слухом не слышали. Говорят, она хуже проказы. Сидоренко звонил проконсультироваться по этому поводу московским друзьям – коллегам. Они сообщили, что информация об этой мерзости в Союзе промелькнула только в одном популярном журнале. В нем весьма красочно расписали, будто это болезнь проституток и гомосексуалистов. Она имеет летальный исход и ее родина Африка. Одна пикантная подробность: она распространяется исключительно в странах с разложившейся буржуазной моралью – передается только путем неупорядоченных половых контактов. Советские граждане ей не подвластны, от нее их оберегает чистый и праведный образ жизни! Такая вот пропагандистская галиматья... Теперь продолжаю о тебе. Болтают, будто бы Фаргин обнаружил, что заразился от тебя. Но он не посмел в силу своего служебного положения обратиться к врачам, а предпочел поступить так же, как в свое время сделал Александр. Все шушукаются, будто ты ездила в Киев подлечиться. А поскольку родители твоих учеников ужасно боятся за здоровье детей, то написали эту кляузу. Они рассудили, что это единственный способ избавить своих отпрысков от контактов с тобой!

– Ира, дорогая, о чем ты говоришь? Мне тогда было за пятьдесят, мы только похоронили Ларису, и я поехала отдохнуть, так как полгода не отходила от нее! Я была старая, измученная,

страшная! Женя с таким трудом пробил мне эту путевку! О каких романах в тот момент можно было говорить?

– Линочка, ты всю жизнь была очень яркой, эффектной дамой! Сама же всегда утверждала, что духовно и физически здоровая женщина должна выглядеть на десять лет моложе своего возраста. И потом, вы с Фаргиным были не расписаны. Ты же знаешь нашу провинцию! Это же азиатская глухомань! Здесь такие отношения осуждаются. В общественном мнении ты для всех была символом свободной женщины, наплевавшей на общепринятые нормы. К тому же никто не говорит, будто у тебя был роман с молодым миллионером из Европы. Тебе приписывают случайную связь со старым наркоманом, неизлечимо больным негром из захудалого ресторанного джаз-банда.

– Ира, что мне делать? Мне даже достойно умереть не дают! Всю мою жизнь изгадили. Да как они смеют болтать, будто я своих мужиков извела, а на старости лет превратилась в заразную шлюху! Так вот почему меня все сторонятся... Ирочка, милая, скажи кому это нужно? Я никому не делала зла, никого не обирала, мужа ни у кого не уводила. Фаргин был вдовец, дочь свою от первого брака обеспечил так, как нам с тобой во сне не приснится. Ученикам я всю душу отдавала – те, кто занимался серьезно, без проблем поступили в столичный Институт Искусств. За всю жизнь я не написала ни одного доноса. Взятки не брала. Скажи, почему ни один человек не сказал, что это клевета? Даже Миля у меня ничего не спросила?

– Слушай меня внимательно. Я потому и пришла на ночь глядя, чтобы заранее с тобой поговорить. Завтра, когда ты привезешь Таню в больницу, тебе предложат обследоваться. Одно твое слово протеста – и ни ты, ни твоя дочь никогда от этой грязи не отмоешься. Я договорилась с Иваном Петровичем: в одиннадцать утра он собирает консилиум, и тебя на нем осматривают. Потом сдашь все анализы. Хотя, какие анализы могут доказать, что у тебя не эта пакость? У нас о таких и не слыхали. Скорее всего, тебе придется лечь на полное обследование и сделать биопсию. А, кстати, кому ты рассказывала о поездке в Италию?

– Да всем, Ира! По слайдам, что я привезла, провела две лекции в училище.

– Тебе Лина, надо выжить! Назло всем выжить и докопаться до истины: кто и за что смешал твою жизнь с грязью, и из-за чего наша Танюша полезла в петлю... Я врач, знаю ее с младенчества. Таня не шизофреничка, но она – в Сашу. Она способна на крайность, но только в абсолютно безвыходной ситуации... Скажи, а как у нее с английским? Она ведь до болезни прекрасно знала язык. Сможет ли она дословно перевести не слишком сложный текст? Там не много, всего три странички. Нам этот перевод нужен, как воздух!

– Вряд ли, Ира. Хотя не знаю, спроси у нее сама. Но мне кажется, что после инсулиновой палаты она стала полным инвалидом.

Ирина Родионовна вышла на террасу и застала мужа за рассказом какого-то нелепого анекдота. Казалось, что Таня слушает его с интересом, так как она слабо улыбалась.

– Танюша, послушай меня внимательно. Завтра ты ляжешь ко мне в больницу. Будешь в одной палате с мамой. Она очень больна, ей хуже, чем тебе, и ты должна ей помочь. Мне достали для нее импортное лекарство, аннотация там на английском. Если ты любишь мать, то быстро придешь в такую форму, что переведешь ее.

– Тетя Ира, я ужасно боюсь инсулиновых инъекций! После них валяешься в обмороке... Потом, чтобы не околеть, начинаешь жрать, как голодная свинья.

– Клянусь, Таня, их больше не будет, Загорина отменила. К тому же здесь тебя хорошо знают, ты – абсолютно нормальная. Просто у тебя случилось что-то совершенно из ряда вон выходящее...

– Я постараюсь, тетя, сделать все, чтобы прийти в норму... Мне иногда кажется, что мне легче, когда меня не колют.

– Посмотрим, детка. Пару недель полежишь у моей подруги в нервном отделении, а потом, если тебе станет лучше, я заберу тебя к себе в терапию.

На следующее утро Андрей Гаврилович привез Таню и Эвелину Родионовну в больницу, и они поступили в полное распоряжение врачей.

Прошло около двух недель, и обе женщины вернулись домой. Доктора сочли возможным перевести Татьяну на амбулаторное лечение, предписав ей ежедневно являться на процедуры. Эвелина, безропотно выдержав биопсию и пройдя всевозможные обследования, измученная и обозленная на весь мир, вернулась домой умирать. Ее диагноз подтвердился. После этого в городе вспомнили о Пазевской: в ее доме зазвонил телефон, а в дверь стали ломиться ученики и коллеги с цветами и конфетами. Однако теперь их внимание Лине не требовалось. С посетителями общалась Таня. Она всем отвечала, что маме плохо, а потому она ни с кем разговаривать не желает. И, главное, просит никого ничего ей не приносить, так как она ни в чем не нуждается.

Через несколько дней, поздно вечером к дому Пазевской подъехала машина. Из нее вышли Иван Петрович, Ира и молодой врач, на руках у которого была небольшая, но довольно тяжелая картонная коробка. Гостей приняли любезно. Пока Сидоренко в гостиной осматривал Эвелину Родионовну, а врач на кухне пил чай, Ирина Родионовна, уединившись с Таней на террасе, что-то ей горячо шептала на ухо. Через час доктора покинули дом с пустыми руками.

4

– Что это за коробка? Ее врачи позабыли? – спросила Эвелина Родионова у дочери, появившись в прихожей.

– Нет, мамочка, это нам подарок.

– Неужели ручной пылесос? Не плохо, если так. Мы с тобой такие слабые. Убираемся кое-как, а ковров дома много. Ты только Ирочке деньги за него отдай. Она стала такая заботливая. Этого я от нее не ожидала. Когда болела мама и когда здесь умирала Лара, Ира, конечно, забегала. Лекарства приносила, но так не суежилась.

– Это не пылесос, мамочка! Про эту коробку ходят легенды. Ее привез Иван Петрович из Таиланда. Там он удачно диагностировал одного очень влиятельного священнослужителя. В качестве благодарности тот преподнес ему это.

– А что внутри?

– Здесь фрагменты сетчатого питона, обработанные тайскими монахами. В чем они его выдерживают, что в него добавляют – тайна. Ира узнала только, что эти змеи достигают веса в сто килограмм и десять метров в длину. Такой может заглотить даже человека... Да! Внутри коробки находятся рецепты. По нему тетя сделала две настойки. Одна лечит душевные раны и безопасна для жизни. Другая – против злокачественных образований и очень ядовита. Противоядие прилагается. Есть аннотация. Она на английском. Правда я теперь такая бестолковая, что даже не взялась за перевод. Сейчас это выше моих сил. Перевел ее тот парень, что приезжал сюда. Но я ему не очень доверяю. Очень хочу проверить, что он написал.

Эвелина молча пожала плечами и ушла к себе, а Таня, вооружившись большим словарем, приступила к работе. Однако ей только казалось, будто она что-то делает. На самом деле мысли ее прыгали с одного слова на другое, смысл ускользал, а руки дрожали от нервного напряжения.

Примерно через час, Лина, сжавшись над дочерью, забрала у нее английский и русский тексты и углубилась в их изучение. Минут через двадцать, Эвелина Родионовна, оторвалась от чтения:

– Если я рискну начать это принимать, то зрелище будет не для слабонервных! Тут написано, что надо провести три курса по семь дней, во время которых будет ужасная токсикация. После каждого цикла необходимо принимать порошки, нейтрализующие действие отравы. Сказано, что яд накапливается в организме, и каждый цикл будет тяжелее предыдущего. Прием яда сопровождается галлюцинациями, высокой температурой и провалами в памяти.

– Мама, там есть странное изречение: «Поглотишь Пифона, станешь Пифией». Что бы это могло значить?

– Насколько я знаю, по-гречески Пифон – это питон, а Пифия, судя по мифам, жрица – прорицательница. Опираясь на здравый смысл, могу сказать, что она была заурядной наркоманкой: вдыхала ядовитые испарения из священной расщелины в скалах, потом несла всякий вздор. Ну а жрецы, воздев руки к небесам, его толковали.

– А тебя не удивило условие приема лекарства – оно в заключение текста? Правда, очень странное! Там сказано: каждый раз, прежде чем начинать принимать отраву, надо помолиться вслух и тридцать три раза поблагодарить Создателя за блага, которые ты получил во время своего земного существования. Если перевод сделан точно, имеется в виду, что надо благодарить за разные вещи... Может это и мудро, но я плохо представляю себе такое... Благодарность ракового больного, страдающего от провалов в памяти и галлюцинаций.

– Деточка, еще до звонка Миликовой я подводила итоги своей жизни, и была склонна к этому. Мне казалось, что я прожила свой век совсем не плохо: у меня две умных симпатичных дочки, которые выросли и нашли свое счастье. Мой Саша не погиб на фронте, а вернулся. Мы прожили вместе много лет в любви и согласии. Да и под конец, он не гнил в тюрьме, не стал объектом издевательств, не умер под пытками. Он ушел быстро и по своей воле. Я думала о маме и о Ларисе. Мы с Ирой до последнего вздоха смогли обеспечить их хорошим уходом, и обезболивающими... Я была благодарна судьбе и за то, что она подарила мне счастье всю жизнь общаться с людьми на языке, который никогда не лжет. Я имею в виду музыку. К тому же я полагала, что мне очень повезло, как женщине: последние пятнадцать лет со мной был рядом Женя – умный, великодушный и преданный мужчина. И это притом, что три четверти моих ровесниц прожили одинокими. Эти мысли пришли ко мне, когда я поняла, что нахожусь на пороге вечности. Я смирилась с тем, что ухожу. Я была почти спокойна... Но сейчас из-за всех этих потоков клеветы просто задыхаюсь от ярости! Я тридцать три года живу здесь на виду, превосходно обучила два десятка подростков, дала образование своим детям, до последнего вздоха нянчилась и с матерью, и с сестрой, и с двумя мужиками. И после этого вся эта грязь: будто я и души детей уродую, и контрабандой промышляю, и пытаюсь болезнью наркоманов и проституток заразить окружающих. Клянусь, обследования я выдержала только ради тебя, Таня. Как я понимаю, ты теперь останешься здесь, и я не хочу, чтобы все вокруг болтали, будто твоя мать – шлюха. Достаточно того, что тебя считают дочерью диссидентки и убийцы-врача, да сестрой воинствующей сионистки.

– Mamочка! Кто тебе сказал эту чушь?

– Эти перлы, разумеется, без упоминания о том, что я бациллоноситель, содержались в доносе, который мне показала Джамиля. И это не анонимка! Под ним стоят подписи родителей всех моих студентов.

– Mamочка, ты попробуешь подлечиться?

– Не знаю, родная. Мне надо об этом подумать. Но ты хоть понимаешь, почему врачи, приехав втроем, ни словом не обмолвились о коробке? Они боятся. Подстраховали себя. Теперь никто не скажет, что главврач нашей больницы берется за лечение рака нетрадиционным способом. Никто не обвинит Ирочку в том, что она отравила меня из-за этого дома. Я же прописала ее сюда под предлогом того, что за мной некому ухаживать. К тому же я полагаю, эту коробку Сидоренко вскоре заберет, скажет – забыл. Мне ведь для лечения достаточно тех флаконов, которые уже приготовила Ира. Если я решусь провести на себе этот чудовищный эксперимент, то их заберу, а не захочу – оставлю на месте. Пойми, дорогая, все рассчитано правильно. Если я уйду раньше срока, то спрашивать за это не с кого. К тебе претензий нет – ты нездорова, а к врачам, которые доставили сюда яд, и подавно. В худшем случае они получают выговор за то, что тебя выписали раньше срока.

– Мама, скажи, ты хочешь жить?

Эвелина Родионовна помолчала, тяжело вздохнула и мрачно усмехнулась.

– Если честно, то уже нет. Я свыклась с мыслью, что нахожусь на пороге покоя. Я смертельно устала страдать и за себя, и за своих близких. Ну, а ты, дочка, ты? Хочешь ли ты жить? Мне ведь сообщили, что ты добровольно пыталась уйти?

– Пыталась, мама... А теперь не знаю. Наверно, хочу. Скорее всего, я тогда была не в себе. Время прошло... Сейчас мне уже трудно поверить, как я на это решилась. Иногда даже появляется надежда на нормальное существование. Но, в принципе, тошно! Все кажется гадким! Отвратительным! Мерзопакостным!

– Грех так говорить, доченька! Тебе нет и тридцати! Если ты хоть немного пошла в меня, то и через четверть века будешь эффектной дамой!

– Мама, ты же знаешь, что я похожа на папу. У меня и волосы светлые, и к полноте я всегда была склонна. Это ты у нас всю жизнь была, что надо!

– Ну и слава Богу, что ты пошла не в мою породу – не будет наших наследственных хвороб!

– Но ты мне нужна, мама! Ты – единственный человек на свете, кто меня любит! Если тебя не станет, что будет со мной? Я превратилась в жирную уродину, потеряла профессию и у меня проблемы с головой!

– Не плачь, детка! Ирочка тебя подлечит. Через годик здесь, наверняка, найдешь работу. Ты молода, у тебя будет этот дом, я оставлю тебе деньги. Со временем глядишь, и хорошего мужа себе подыщешь.

– Я когда здоровая была, вышла замуж за подонка, а теперь и вовсе напорюсь на уголовника! Женится, через месяц засунет меня в психушку, сам сюда шлюх наведет, а расплачиваться с ними станет моими деньгами. Не умирай, мама! Попробуй, подлечись

Пристально глядя на дочь, изуродованную инсулиновыми инъекциями, Эвелина Родионовна подумала:

– Возможно, Таня права, и сам Господь на ее стороне. Выживу – стану ей опорой, а отравлюсь – так наши муки быстрее закончатся. А так, изведу ее. Уж, на что я терпеливая, и то периодически на стену лезла, когда ухаживала за Ларисой. В любом случае, Ира мне угодила. Если будет немого, приму двойную дозу.

Лина долго молчала, потом неожиданно ответила:

– В принципе, лечиться, пожирая питона, я не хочу. Однако обещаю, что подумаю над этим. Но, клянусь, окончательное решение приму только после того, как ты расскажешь обо всем, что с тобой приключилась. Я догадываюсь, тебе это не просто сделать. Но ты пойми и меня! Должны быть веские причины, чтобы я вместо того, чтобы быстро уйти из жизни так, как это сделал твой отец, выбрала себе шесть недель агонии с температурой и бредом в лужах рвоты и экскрементов. Ну, а в придачу к этому, в редкие моменты просветления, еще и бубнила благодарственные молитвы Создателю!

– Я боюсь тебе все рассказывать, мама. Ты решишь, что я действительно не в своем уме.

– То, что ты мне говорила после своего возвращения сюда, куда разумнее всего, что я слышала за последние дни от окружающих. Сейчас уже далеко за полночь, иди, отдохай, дорогая. Завтра с утра мы спокойно побеседуем.

Таня, так же, как и Эвелина Родионовна в эту ночь не сомкнули глаз, поднялись на расвете и, наскоро ополоснув измученные лица, отправились на кухню пить кофе.

– Лучше не тянуть, мама. Пойдем в комнату, устроись поудобнее, и я тебе все расскажу.

Лина прошла в гостиную, села в кресло и вопросительно уставилась на дочь. Татьяна подошла к окну, долго молчала, глядя на яркие блики восходящего солнца, играющие на стеклах соседних домов, потом резко повернулась лицом к матери и начала.

– Понимаешь, в свое время я не поняла главного только из-за того, что недооценила мелочи... Прости, мне трудно говорить. С чего начать, не знаю. Начну, пожалуй, с того, что отношение ко мне со стороны падчерицы и свекрови за последние годы ухудшились. Валя стала подолгу жить у бабушки с дедом. Мишу это устраивало, а я не возражала. Боялась рассориться и с ним. За это время Валентина превратилась в очень видную девушку. Ты сама помнишь, уже к четырнадцати годам она имела вид физически сформировавшейся женщины: роскошные волосы, пышная грудь, тонкая талия, широкие бедра. Черты лица у нее всегда были заурядны, но это уже не имело особого значения. В комплексе она производила впечатление настоящей сексбомбы. Надо мной Валя откровенно надсмехалась. Язвила:

– Тебе под тридцать, а работаешь под старшеклассницу. Ты, конечно, выглядишь не плохо, но это абсолютно бессмысленно. Для нас ты все равно старуха, а для настоящих мужиков – дешевая подделка! Любой, у кого есть голова на плечах, предпочитает таких, как мы.

– Это слишком умно, для девочки пятнадцати лет. Над ее мозгами кто-то основательно поработал. Продолжай, Таня. Такое начало просто захватывает!

– Алкис Степанович подолгу отсутствует, а так как Ефросинья Павловна боится ночевать одна в своей огромной квартире, то она на это время забирает внучку к себе. Но этой весной перед окончанием учебного года обнаружилось, что у Вали проблемы в школе. По двум дисциплинам назревали двойки, и Миша взялся ее подогнать. В это время Алкис уехал в длительную командировку, а Валентина из-за вечерних занятий с отцом, отказалась переехать к бабушке. Вот после этого все и началось... Через неделю после отъезда Алкиса, свекровь заявила к нам в гости. Это было в субботу днем. Я, как всегда, подала обед, Миша достал водку и начал наполнять рюмки. Вале я не разрешила наливать, и она устроила скандал. Орала, что уже взрослая. Что скоро получит паспорт, выйдет замуж, а меня выгонит из дома. Кричала, что я в их семье приживалка и нищенка, а потому не имею никакого права командовать. Ефросинья попыталась ее утихомирить. Она резко вскочила со стула, а потом неожиданно рухнула на ковер. Валентина хлопнула дверью и убежала в кабинет отца. Михаил кинулся звонить в «Скорую помощь», но мать взмолилась и уговорила его вызвать к ней ее лечащего врача. Миша решил, что это разумное предложение: Фрося, как супруга полковника, прикреплена к правительственной поликлинике, а там работают лучшие в городе специалисты. Он позвонил по номеру, который продиктовала его мать, и уже через двадцать минут ее лечащий врач была у нас. Она сделала Фросе несколько уколов и высказала предположение, что у нее инфаркт. Мы с трудом перенесли свекровь в нашу спальню, и она там осталась. Докторша заехала проведать ее в воскресенье, а в понедельник прислала спец бригаду, которая сделала кардиограмму. В конце рабочего дня Миша съездил в поликлинику за результатом, а когда вернулся сообщил, что у матери инфаркт и ей категорически нельзя вставать месяц с постели, а потому она будет все это время лежать у нас... Все... С тех пор начался кошмар. Не прошло и трех дней, как кабинет, где обосновалась Валя и гостиная – там мы с Мишей были вынуждены спать, проворачивая мочой. Старуха твердила ему, что этим занимаюсь я, чтобы выдворить ее из дома. Потом на стенах ванной, туалета и кухни стали появляться пятна от кала. Днем я работала, по вечерам стирала, готовила, таскала за больной судно, а по ночам драила квартиру. К утру дом сверкал, а к тому времени, когда я возвращалась с работы, туда снова невозможно было войти. Кругом вонь. Вся еда, что я наготовила накануне, пересолена.

Через несколько дней Валя сбежала жить к подруге, вместе с которой готовилась к экзаменам. А вскоре Михаил перебрался в родительский дом. Он изредка забегал проведать мать и со мной почти не разговаривал. Считал, что я ее враг... А я? Я ухаживала за этой стервой и не смела никому пожаловаться, так как все знакомые были оповещены: Рийден-старшую, эту интеллигентнейшую даму разбил инфаркт в доме сына. А довела ее до этого невестка, хамка и изверг! В доме был форменный ад. Зловонье, хуже, чем в захудалом общественном сортире. Зато в спальне, где лежала эта ведьма – чистота и свежий воздух.

– Фантастика! Просто кино!

– Дальше – самое ужасное... За три недели я измоталась вконец. Ефросинья со мной не разговаривала. Обращалась ко мне только для того, чтобы напомнить все мои прегрешения, которые я совершила за десять лет своего замужества. Миша со мной, практически не общался. Он два раза в неделю приносил продукты, и все. Падчерица звонила бабушке регулярно, и они подолгу болтали – у нас в спальне стоит второй аппарат... И вот, как-то под утро, когда я закончила все дела и задремала, раздался телефонный звонок. Знакомый женский голос мне сообщил, будто моя свекровь симулянтка, что она здорова, как лошадь, а ее инфаркт – трюк, с помощью которого она избавилась от одиночества, обеспечила себе прекрасное обслуживание и дала возможность сыну на своей квартире без помех развлекаться с несовершеннолетней красоткой. Я была просто в шоке! Вдруг слышу шелчок, я положила трубку, а затем сразу вновь подняла, там – гудки: это старуха, подслушав наш разговор, принялась названивать Мише, чтобы предупредить. Я быстро зашла в спальню, вырвала шнур из телефона. Потом схватила Фросину кошелку, кинула туда второй аппарат – тот, что в гостиной, и выскочила из дома. Я знала, что в сумке старухи лежат ключи от ее квартиры. Через полчаса я была уже на месте.

– Успокойся, Таня... Все мужики так резвятся!

– Да, конечно, мама. Но здесь особый случай! С ним в постели была Валентина!!!

– Не может этого быть!!!

– Еще как может! Миша мне пригрозил: если кому-нибудь скажу хоть слово, он докажет, что у меня галлюцинации и упрячет в психушку на всю жизнь. Моя болтовня только развяжет ему руки, так как и без этого все его друзья знают, будто у меня бред и я в собственной квартире все изгадила. Ну а его мамаше, этой святой женщине, уже месяц приходится присматривать за мной в надежде, что я образумлюсь! Валентина, слушая эти перлы, хохотала до слез. Потом сказала, что это она мне позвонила – ей надоело делить Мишу со мной в течение двух лет...

Домой я ползла, как подстреленная собака. Из головы не выходили угрозы мужа. Я догадалась, кто распустил слухи о моем безумии. В течение последних двух недель к нам несколько раз заходил Борис Агин. Мишин закадычный друг. Он видел обстановку в доме. Подолгу беседовал с Фросей. Агин декан факультета, где работает Миша. Они крупно повязаны. Мой благоверный неоднократно его покрывал – тот на вступительных экзаменах делал деньги. К несчастью, я только в тот момент поняла, что вся эта комедия была спланирована и разыграна, как по нотам. Мне показалась, будто я в аду... Муж – прелюбодей. Свекровь – сводня. Падчерица – извращенка.

По улице я еле тащилась. Проклинала себя за свою слепоту и наивность. Начался дождь, просто ливень. Я промокла насквозь, ноги подкашивались, голова кружилась. Я поскользнулась и рухнула прямо в арык. Была по уши в грязи. Когда добралась до дому, там разгром, вонь и пустота. Фрося сбежала. На кухонном столе перевернутое судно с кусками кала. Из квартиры исчезли все спички – чашку горячего чая, и то не выпьешь... А дальше, как во сне. В ящике новая бельевая веревка... крюк в вонючей гостиной... Представляешь, рухнула на пол. Крюк оказался пластмассовый, и я свалилась. На меня упала хрустальная люстра. Было ужасно больно. До сих пор все тело в шрамах. Потом приехал Миша, увидел меня на полу в крови и с веревкой на шее. Он стал так материться, что я пришла в себя. Помню, как орал в телефон:

– Митя, скорей ко мне с санитарями! У меня здесь вторая серия! Повторение прошлого я не выдержу!

Потом приехал Миликов с командой. Они меня и забрали.

– А какие детали тебя тревожат до сих пор?

– Я тогда не обратила особого внимания. Только потом вспомнила. Свекровь всегда появлялась у нас одетая так, словно собралась идти в театр: в красивом костюме, в дорогой обуви, с изящной сумочкой. Она никогда ничего с собой не приносила. А в тот раз, когда свалилась, заявила с большой кошелкой. А после, когда врач прописала ей постельный режим, попро-

сила вытащить из нее тапочки и потрепанную общую тетрадь, с которой никогда не расставалась. Она постоянно листала ее, а ночью прятала под подушку. Выходит, все запланировала, только я этого вовремя не поняла.

– Очень любопытная история! А что, есть еще что-нибудь оригинальное?

– Да, конечно! Помню, как я удивилась, когда вместо «Скорой» Миша вызвал к матери ее лечащего врача. Они так мило общались. А мне и в голову не пришло, что это сговор. Все в заговоре против меня, все! И Фрося, и Валя, и Миша, и Борис, и Миликов, и докторша из правительственной поликлиники...

– А что Алкис Степанович, твой свекор? Он тоже с ними за одно? Где он был все это время?

– Да, как всегда, в отъезде. У него вечно какие-то дела. По-моему, он руководит операциями по борьбе с контрабандой наркотиков.

– Мне он всегда нравился, казался сильным и положительным мужчиной.

– Не смотри, мама, что он такой импозантный и при оружии. По характеру он – типичный подкаблучник. На работе – гроза, а дома – тише воды, ниже травы. Только и слышно: Евочка хочет, Евочке нужно.

– Может, она кажется ему первой женщиной на земле. А возможно, он ее побаивается. Ты случайно не знаешь, Фрося не из старой агентуры НКВД? Вполне возможно, она в курсе того, что он тщательно скрывает от властей. Это может касаться чего угодно, вплоть до его происхождения. Хотя, откуда тебе это знать? Давай лучше переменим тему нашего разговора. Поговорим не о них. У меня к тебе вопрос интимного характера. Я давно хотела его задать, да все боялась обидеть тебя своей бестактностью. Скажи, почему ты до сих пор не родила? У тебя с этим проблемы?

– Весьма вероятно, мама. Точно не знаю. Но похоже на то! У Миши ведь есть дочь. К тому же все эти годы с Валентиной было очень сложно: она всегда так ревновала отца! Я планировала заняться этим попозже, когда она станет самостоятельной и уйдет из дома.

– Таня, я у вас бывала редко, но мне показалось, будто у вас в доме нет ни одной фотографии Полины – матери Вали.

– Точно. Нет ни одной. Я изредка спрашивала Мишу о его первой жене, но он о ней говорить не желал. Только раз, тогда, когда сделал мне предложение, сообщил, что Поля погибла в результате несчастного случая, оставив на его руках годовалую дочь. Я же тебе неоднократно рассказывала об этом! Ты еще сокрушалась о судьбе девочки. Говорила, это ужасно, когда ребенок не помнит своей матери и потому одобряла, что она бабушку называет мамой, деда – папой, а родного папашу Мишей, будто он ей старший брат. После случившегося я подумала, может, поэтому она и не воспринимала его, как отца? Пока была маленькой, считала надежным другом. Стала девушкой – решила, что он самый лучший мужчина на свете. Ну и влюбилась. К тому же мы у нее за стеной не редко по ночам любовью занимались. Вот и разыгралось у девочки воображение.

– Таня, дай мужу развод! Пусть живет, как хочет и с кем хочет. По-моему, вся их семейка стоит друг друга. И Фрося, и Валя, и твой благоверный – дрянь, каких мало!

– В больнице я думала на эту тему. Раньше это было возможно, но теперь Михаил развода не допустит. Уверена, скоро он начнет хлопоты об учреждении надо мной опеки. После этого, что бы в семье не произошло, он в безопасности. Только открою рот, он вызовет санитаров. Те меня скрутят, и назад, в инсулиновую палату! А если я буду свободна? Ты только вообрази, что с ним сделают, когда я докажу, что не шизофреничка, а заурядная нервная дамочка, и он засадил меня в дурдом, чтобы обезвредить. Подумай, что его ждет, если все выплывет наружу? Он – профессор советского вуза имеет связь с несовершеннолетней дочерью!!!

– Как думаешь, Алкис знает, что его сын преступник?

– И не догадывается! Ал, конечно, мягкотелый и добрый человек, но не подонок и его терпению есть предел. Если бы он узнал обо всем, собственноручно пристрелил этого гада. А вот Фрося... Она в курсе всех проделок сына, но почему-то молчит. Не понимаю, как можно настолько не любить собственную внучку, чтобы допустить подобное! Знаешь, мама, я много лет присматривалась к Мише и так долго думала о нем, что, похоже, его неплохо знаю. Уверена, Валя как женщина ему не нужна. Она для него не любовница! Для Михаила связь с влюбленной девчонкой – просто дань ущемленному самолюбию. По-моему, он способен потерять голову только от зрелой, независимой, эффектной и крайне развращенной особы. Этаким дамы – вамп! У него изощренный и утонченный ум рафинированного интеллектуала, для которого философия – не профессия, а способ мышления. Он ненавидит общепринятое, он культивирует индивидуализм, а потому в университете читает только эстетику. К тому же, три четверти учебного времени отдает истории этих дисциплин. Я была на его лекциях. Что ни слово, то цитата из Ницше. Предметы, вроде истории партии, диамата или истмата ведет Агин.

– Ну, при таких мозгах, Мишу, возможно, и возбуждает, что он развратил собственную дочь! Хотя, в мерзости подобного способа мышления грех винить такого гениального страдальца, каким был Ницше.

– Ну, а что еще его может привлечь в этой девочке? Юное тело? Я понимаю, когда мужчина находится на пороге заката. Тогда – другое дело. Но он-то в самом расцвете! А, вообще-то, она просто глупая малолетняя гусыня – избалованная, ревнивая и злобная!

– Танюша, родная, если ты все так ясно соображаешь, зачем же полезла в петлю?

– Ты меня не поймешь. В конечном счете дело было не в них. В тот момент я так ненавидела себя! Так презирала! Так была себе омерзительна! Я же эту ситуацию могла предвидеть! Надо было только не бояться смотреть фактам в глаза! И дураку было ясно, что я – скромная провинциалка, студентка библиотечного факультета, не пара развращенному, столичному денди со связями, доцентурой, квартирой в центре столицы и папочкой подполковником. Представляешь, вообразила себя Золушкой. Вот идиотка! Только слепой мог не заметить, что Миша с мамочкой использовали меня, как бесплатную домработницу. Как интеллигентную няньку для их взбалмошной, испорченной девчонки. Ну, и чего я добилась своими диетами и деньгами, заработанными за частные переводы? А бесконечные стирки, готовки, уборки? Конечно, выглядела я как девочка, не была иждивенкой, и в доме у меня все сверкало. Но кто в семье это ценил? Я все равно была для них ничтожеством, которое в любой момент можно было растоптать... А виновата во всем я сама. Только я сама! Я же понимала, что свекровь садистка и лгунья! Я же чувствовала, что муж мне изменяет, а падчерица презирает. Но я не смела называть вещи своими именами. Не решалась себе признаться, что попала в семью снобов и негодяев. Я, как восторженный ребенок, цеплялась за свои иллюзии. Как в первый день знакомства, я постоянно твердила себе, что они талантливы, известны, богаты. Они – столичная элита, а мне – туповатой дурнушке из глубинки, выпало счастье быть принятой в их среду на законном основании! Мне казалось, что я недостаточно хороша для их круга, и потому я работала, работала, как каторжница! Думала, перетерплю и дождусь светлых дней... Валя вырастет, выйдет замуж и проживет своим домом. Фрося одряхлеет и перестанет так донимать. Миша постареет, станет мудрее и оценит мою преданность... Знаешь, мама, когда я промокшая, замерзшая, грязная искала дома спички и скидывала со стола куски кала, в моих ушах звучал смех этой наглой шлюшки! Самое ужасное, я понимала – она права. Ее хохот – единственное, что я заслужила за свою робость, за десятилетнее добровольное рабство... Пойми, ведь в основе всего этого – мои глупые фантазии... Фантазии провинциальной идиотки! Ну, разве нормальный человек может это вынести?

– Ах, доченька, если бы я только была здорова! Прости меня, я пойду, полежу часок. Ты тоже отдохни, потом поедешь в больницу на процедуры, а после зайди к Ире. Передай, что я хочу с ней поговорить.

Вечером Эвелине Родионовне позвонила сестра и разъяснила, что методика лечения рака, которую предлагают тайские монахи, аналогична европейской: это – химиотерапия, но употребляются в ней лекарства натурально-биологического происхождения.

– А ты не думаешь, что результаты этого эксперимента будут ужасными? Судя по аннотации, если я выживу, то превращусь в человекообразного питона! Представляешь, на кого я стану похожа? – ответила Эвелина.

– Знаешь, сестренка, ты говоришь ерунду! По-моему, лучше быть живой змеей, чем мертвым голубем. Да и Тане сейчас необходима мать, способная здесь, на земле перегрызть за нее глотку, а не праведница, проливающая на небесах за нее слезы. А в рай ты не попадешь, не святая! Пойми ты, романтическая дуреха, твою дочь довели до самоубийства, а после сознательно и профессионально изуродовали. В настоящее время она инвалид, над которой необходимо утверждать опеку. По медицинским показаниям Татьяна нетрудоспособна и обречена пожизненно находиться под надзором врачей из психдиспансера! Тебе, чтобы выбраться из ямы, сам Господь дает шанс. Ты даже не представляешь себе, какой Иван Петрович жадина и конъюнктурщик, и я не могу понять, почему он без всяких условий отдал тебе коробку с питоном. Может, ты мне объяснишь из-за чего?

– Не знаю, Ира! Возможно, он на старости лет решил замоливать грехи перед своей совестью? Я ведь точно не знаю, кто подписывал документы о результатах проверки военного госпиталя в пятьдесят втором году, когда состряпали дело против Саши. С Иваном лично я никогда не сталкивалась, но фамилию Сидоренко вспоминаю: он уже тогда работал в системе Минздрава. Поговаривали о его сотрудничестве с органами.

– Возможно, ты права, Лина. Но кто это теперь может выяснить? Все давно утонуло в архивах НКВД. Знаю одно – простому смертному не позволили бы свободно разъезжать по Таиланду, общаться с монахами, принимать от них подарки и ввозить в страну лекарство, неизвестное отечественным медикам. Но ты не дури, дорогая, начинай пить эту дрянь! Я видела результаты твоей биопсии... Говорю тебе как врач: не тяни ни дня. Тебе терять нечего. Я свое дело сделала: вернула тебе доброе имя в глазах местных обывателей и приготовила настойку из этого проклятого змея. Сейчас дело за тобой. И плюнь ты на свою работу! Конечно, этот донос – твоя гражданская смерть. После него к ученикам тебя уже никто и никогда не подпустит. Но у тебя есть Таня, подумай о ней. А потом, кто знает, может, когда-нибудь и с Леной свидишься!

5

Прошла неделя. Эвелина Родионовна заканчивала первый цикл ядотерапии, разработанный буддийскими монахами. Лина похудела, почернела, у нее пропал аппетит, ее тошнило и постоянно клонило в сон. Но она не спала. Чрезвычайно яркие видения проплывали в ее затуманенном отравой мозгу.

В первые дни ей виделись люди, которых она когда-то любила. Казалось, что родные лица подбадривали ее нежными улыбками. Поначалу, ей пригрезилось, что она гуляет по берегу Днепра с молодым и красивым отцом, и они весело смеются над повесткой, в которой сообщается о его гибели на фронте.

В следующий раз ей привиделось, будто она накрывает стол в их Киевской квартире, и за ним оказываются мама, Лара, Саша и Женя. Они пьют вино и приветливо машут ей руками.

Потом ей показалось, что она выходит на сцену Большого зала Консерватории, чтобы исполнить выпускную программу. Играет она легко и свободно. Внезапно звуковой поток, словно ветер, подхватывает ее, и она летит в поднебесье, окруженная водоворотом сверкающих пассажей. Неожиданно они превращаются в прозрачные кружева, на которых, словно рубины, сверкают кровавые капли ее слез.

Эти видения были вариациями на темы из ее прошлого. Эвелине Родионовне они не доставляли радости, однако, были понятны и не оставляли неприятного осадка. Отличался от

них последний сон Лины. Он настолько вывел ее из душевного равновесия, что она очнулась в холодном поту.

Ей померещилось, будто она находится в квартире в кабинете своего профессора, где занимается на его концертном рояле. Лина устала, она встает, выходит на балкон и осматривается. Перед ней открывается панорама города и строительные леса, окружающие дом. Они доходят до седьмого этажа, на котором расположена квартира ее наставника. Немного передохнув, Эвелина возвращается в кабинет и видит, что рояль ожил. Он чем-то возмущен и с визгом ездит по комнате, пытаясь найти себе выход. Инструмент хочет прорваться через дверь, но клавиатура чересчур большая и не помещается в дверном проеме. Оставив неудачную попытку выскочить в прихожую, рояль продолжает остервенело кружить по кабинету. Неожиданно он протискивается на балкон, на секунду в нерешительности задерживается у перил, а затем смело устремляется вниз, огромной смоляной каплей сползая по строительным лесам.

Эвелина в панике выбегает из квартиры и несется за ним в погоню. На лестничной клетке она остервенело нажимает на кнопку лифта, но тот не работает. И тогда, переполненная отчаянием, она летит вниз, перепрыгивая через ступеньки. На какое-то мгновение Лине удается опередить стекающий по лесам рояль, и она, выскочив из подъезда, видит, как он лакированной черной каплей сползает на землю и останавливается на тротуаре. Эвелина кидается к клавиатуре, но инструмент демонстративно разворачивается к ней хвостом и устремляется на проезжую часть. Он быстро набирает скорость и, обгоняя черные «Волги», исчезает из поля зрения. Не чувствуя ног, Пазевская несется за ним по дороге, ежесекундно рискуя быть раздавленной машинами, обгоняющими ее. Они обдают ее бензином смрадом и гудят, гудят... А она, потеряв рассудок от горя, все бежит и бежит за ним. Охваченная смятением, Лина не может разглядеть среди этого черного лязгающего потока черный силуэт своего рояля. Ноги ее не слушаются, сердце рвется наружу, она задыхается и кричит... Кричит из последних сил.

От собственного крика Эвелина Родионовна приходит в себя. Вокруг тишина. На тумбочке у кровати горит лампа, абажур которой прикрыт темным платком. В углу на раскладушке дремлет незнакомая женщина, прикрывшись белым халатом. Эвелина с трудом шевелит распухшими губами, незнакомка это слышит, поднимает голову и спрашивает:

– Вам что-нибудь нужно?

– Нет. А Вы кто?

– Я ваша сиделка. Меня прислала Ирина Родионовна. Она считает, что Тане по ночам необходим покой.

– А сколько я в отключке?

– Уже двое суток. Но Вы – молодец, лежали смирно, только все время стонали и плакали. Но сейчас, перед тем как очнуться, громко вскрикнули. Скоро рассвет. Утром Вы примите противоядие, и сразу станет полегче.

Пазевская устало закрыла глаза. По ее щекам беззвучно текли слезы.

– Итак, с роялем покончено навсегда. Как на душе гадко! О господи, как же мне опротивело все на этом свете! – подумала Пазевская и медленно отвернулась к стене.

Через час начало светать. Минут через сорок встала Таня, подошла к матери и взяла за руку, чтобы проверить пульс – он был неровный и с перебоями. Татьяна стала просить Лину повернуться и выпить сердечное, но та не отвечала. Сколько дочь не умоляла ответить ей хоть слово, мать молчала. К восьми приехала Ира, по-солдатски гаркнула на сестру и заставила принять противоядие. Эвелина безмолвно проглотила то, что ей дали, и опять отвернулась к стене.

– Я приеду в три часа. Ты выпьешь второй раз этот порошок, и будешь благодарить Создателя за то, что он подарил тебе это Тайское чудо! И не хандри, не все еще потеряно! Встанешь через четыре недели, и тогда будешь решать, что тебе делать. Лучше успокойся и порадуйся: твоя дочь молодец. Процесс ее реабилитации идет полным ходом!

Ира чмокнула сестру в мокрую от слез щеку и ушла, захватив с собой сиделку. Таня вышла их проводить, и в комнате воцарилась тишина. Лина лежала неподвижно и плакала. Она понимала, что становится провидицей и первое, что ей открылось, так это то, что с музыкой она распростилась навсегда. Распростилась так же, как с мамой, с Ларой, с Сашей и с Женей. Она осознавала, что если сумеет это пережить, то уже никогда ни из-за чего не будет страдать так, как страдала сейчас. По сравнению с этой потерей, все остальные не столь глобальны. За близких Эвелина не задумываясь пожертвовала бы собственной жизнью, но это было все-таки из области тела. А вот музыка была для нее божественной квинтэссенцией мироздания, его сутью. Она была связующей нитью между ней – погруженной в себя чуточку экзальтированной женщиной, затерянной в толпе деловых, преуспевающих людей и кем-то, кто существует вне времени и пространства и находится превыше повседневной суеты. Как глубоко интимную тайну, Эвелина скрывала от всех, что совершенно ясно ощущает, будто ее существо подобно эоловой арфе, а потому она воспринимает любые звучания не только на слуховом и духовном, но и на биологическом уровне. Лина была убеждена, что человеческое тело подвержено влиянию окружающих его звуков и ритмов так же, как и психика. Она даже предполагала, что откровение, с которого начинается Евангелие: «Вначале было Слово и Слово было Бог», подразумевает под собой то, что в основе Вселенной лежит осмысленная интонация, своего рода вибрирующий код, смысл которого веками пытаются постичь человеческий разум и законам которого подвластно все сущее. Именно поэтому Пазевская не удивилась, прочитав, что доподлинно установлено, будто животные и растения в атмосфере переполненной благостными гармониями быстрее размножаются, пышнее цветут, лучше плодоносят.

– Ну и кем я стану без музыки, если выживу? Кем? Она – моя душа! Я же без нее труп! Всего лишь гальванизированный труп! – размышляла Пазевская, переполненная отчаянием. – И вообще... Стоит на мгновение вообразить, что ты всего лишь мешок дееспособной плоти, как тут же начинаешь соображать, что на всем белом свете у тебя нет ничего, кроме тела, подверженного тлену! После этого, ради его комфорта пойдешь на любые преступления. Пару месяцев такого образа мыслей, и ты плотоядная змея, для которой нет ни единого табу... Существо без души разрешает себе все, абсолютно все. Внутри подобного создания мир такой же, как на полотнах кубистов – там не учитывается ни один из законов мироздания. Играй формами, как вздумается. Полная свобода, нет ни тяготения, ни логики. Создаешь свою собственную вселенную, свой виртуальный мир и властвуешь в нем. Да, это так пьянит, что вполне может заменить счастье. Ощущаешь себя равным Творцу! Да, творчество... Летаешь на его пестрых крылышках, фантазируешь. А припечет солнышко реальности, и ты, как несчастный Икар, мордой в грязь! Но, все равно, приятно хоть изредка забывать, что ты всего лишь пыль.

Долго Лина лежала, охваченная болью, пока не разозлилась на себя за то, что попала под гипноз тягостных дум. Она решила не добивать ими себя, а потому настроила свои мысли на музыку.

– Пусть будет мой любимый Скрябин, его «Божественная симфония».

Внутренний слух Пазевской услужливо отозвался на этот приказ. Несколько минут, и в ее мозгу ожили знакомые до мельчайших подробностей страницы партитуры. Они звучали столь ясно, что Лине показалось, будто она слушает симфонию, сидя в концертном зале: как в юности ее завораживала пламенная стихия красок над которой огненными сполохами взлетали ввысь экстатические возгласы труб, увлекая ее в неистовое кипение собственного созидания.

– Александр Николаевич гений! Доподлинно гений! – как зачарованная шептала Эвелина. – Только ему дано зафиксировать все стадии пробуждения, развития и становления в человеческом самосознании. Той субстанции, в которой спрятана тайна его богоподобия. Просто видишь, как огненной точкой она зарождается где-то на уровне атомов, потом захватывает каждую клеточку тела, накаляя ее до такой степени, что вспыхивает все существо. А после – грандиозный пожар и ты, словно пылающая ракета, прорываешься в другое измерение, где

прозреваешь. Это чувство столь ослепительно и так невероятно, что в одно мгновение постигаешь смысл мироздания. Возможно, его сутью действительно является любовь. Хотя, по-моему, это ощущение не имеет словесного обозначения. Оно находится за пределами земного человеческого опыта. В любом случае, приятнее думать, что тебе суждено раствориться в море любви, став частичкой этой восхитительной стихии, чем медленно сдыхать так, как я. Какая мука сгнивать заживо от бессильной ярости рядом с единственно дорогим тебе человеком. И это в тот момент, когда он обезумел, осознав всю бездну собственного бессилия.

Эвелина Родионовна судорожно вздохнула и взяла с тумбочки колокольчик. На звонок прибежала Таня.

– Доченька. Если не трудно. Дай мне, пожалуйста, мокрое полотенце, стакан кефира и принеси альбом Пикассо – он лежит на рояле вместе с нотами.

Лина села на кровати, вытерла полотенцем лицо и руки, с трудом проглотила прохладное питье и погрузилась в созерцание репродукций.

В альбоме были собраны работы мастера, написанные в русле кубизма – ни знаменитого голубя, ни картин голубого и розового периодов в нем не было. Глядя на них, Эвелина вновь погрузилась в размышления.

– Это – не мир Бога. Этот мир сконструирован по прихоти человека. А тот – либо нигилист, опьяненный своим талантом, либо игрок, пошедший ва-банк ради приобретения земных благ. В любом случае, в этих картинах отсутствуют причинно-следственные связи. В них нет ни вины, ни наказания, ни созидания, ни разрушения. Здесь все расчленено на части, и они существуют раздельно. Это – хаос. Его зримый, материализованный облик. Однако я могу предположить, что полотна мастера куда реалистичнее, чем мы себе представляем. Люди узколобы! Навязали Вселенной свои, сугубо человеческие понятия, а теперь возмущаются, что ее законы им противоречат. Что бы ни болтали с кафедр наши марксисты, я все равно убеждена, что процессы, которые там происходят, трансцендентальны по своей сути. Возможно, Пикассо потому и прописался в гениях, что ему удалось показать, будто антимир существует. А сотворить его может разум, посмевшийся переступить через видимые глазом законы мироздания. В микрокосмосе подобного ума нет таких понятий, как истина или ложь, красота или уродство, добро или зло. Равнозначные и равновесные они, словно облака, клубятся на его просторах, переплетаясь и складываясь в причудливые узоры. В западной музыке та же ситуация. Дерзкие интеллектуалы нововенской школы создали систему, по которой любой образованный человек может выстроить звуковую ткань. Поистине, надо быть сверталантливой личностью, чтобы сделать продукт этого, по сути инженерного труда, произведением искусства. Интересно, что будут говорить потомки о нашем времени? Возможно, напишут, что антимир впервые в истории человечества настолько овладел умами людей, что, обезумев, они построили его на двух континентах. В результате подобного эксперимента разумных вынудили эмигрировать, чистых душой отправили в дурдома, а протестующих замуровали в тюрьмы и концлагеря. Зато выродки, за полвека уничтожившие золотой генофонд собственных народов, стали объектами для поклонения. Куда ни глянешь, отовсюду скалятся их самодовольные рожи. Они везде: в книгах, в газетах, на транспарантах, на киноэкранах, в мавзолеях.

В комнату вошла Таня и села на стул рядом с кроватью

– Как ты, мама?

– Терпимо, дочка. Расскажи-ка мне что-нибудь, развлеки. Надоело кружить по лабиринтам своего отравленного разума.

Таня принялась говорить тихим, мелодичным голосом, однако Лина ее не слушала. Она смотрела на дочь и видела, что та несчастна, старообразна, толста и отвратительно одета, а ее бесформенная рыжеватая-каштановая грива прорезана серебряными прядями седых волос.

– В этом виновата только я! – думала Эвелина Родионовна. – Воспитала ее наивной, простодушной и доверчивой. Конечно, если человек по природе своей открытый и добрый,

трудно сделать его подозрительным. Но все-таки... Надо было постоянно ей вдалбливать, что приличные люди встречаются, главным образом, в литературе. Хотя, конечно, в ее ситуации любая потеряет голову. Невозможно остаться в здравом уме, накрыв своего высоконравственного супруга в постели с собственной несовершеннолетней дочерью! Естественно, у Тани был шок. Но повеситься она решила не потому, что ее годами использовали и унижали. Ударом для нее явилось то, что ей убедительно дали понять, будто своей глупостью она заслужила подобную участь. Хотя, если бы не звонок этой малолетней шлюшки, Татьяна так бы ничего и не узнала. Не понимаю, зачем Мише понадобилось перед всеми выставлять жену сумасшедшей? Он это, явно, запланировал, иначе, зачем было запускать в дом старуху? Но, с другой стороны, кому может помешать тихая, доверчивая, добрая и работающая супруга, которая тащит на своих плечах весь дом, и к тому же материально себя обеспечивает? А может, Фрося сама надумала избавить сына от такой не престижной спутницы жизни? Ну, а Мише это оказалось на руку – он сам ходил по лезвию бритвы. Ему нужно было иметь под рукой средство, при помощи которого можно было бы в любой момент заткнуть рот жене, и это средство предоставила ему мать. Потому он и Агина подсылал – тот был свидетелем безобразий, творящихся в доме, да только не знал, кто их автор... А может, Борис был заодно с другом? Кто теперь скажет, что там происходило на самом деле?

– Доченька, будь добра, пойди в прихожую и принеси мою записную книжку. Она там, на тумбочке у зеркала.

Таня, прервав свой рассказ на полуслове, пошла выполнять просьбу матери. Когда она подала Эвелине записную книжку, та нашла в ней нужную страничку и сказала:

– Как я понимаю, у меня есть неделя отдыха от того ада, в который я погружаюсь из-за этого зелья. Я хочу, чтобы за эти дни ты привела себя в порядок. Твой вид угнетает меня больше, чем собственное положение. Вот телефон Дильбар Заминовой. Она заведует нашим Домом быта. У нее там есть ателье, парикмахерская, салон красоты – в общем, полный набор услуг. К тому же она хоть и женщина крупная, примерно твоей комплекции, но одевается превосходно, носит только импортные вещи. Позвони ей, передай от меня привет, скажи, что возишься со мной, очень устала и попроси ее привести тебя в порядок. Она не откажет. Ее дочь Зухра у меня в прошлом году блестяще окончила училище и без всяких проблем поступила в столичный Институт Искусств на фортепианный факультет. Где лежат деньги, ты знаешь. Дила о тебе позаботится. А ты не скупись, бери у нее самое лучшее, ты же приехала в одном платье. И ради Бога не соблазняйся на молодежные тряпки. Оденься в классическом стиле. Скажи Заминовой, что хочешь начать с парикмахерской и попроси, чтобы она отвела тебя к своему мастеру. Пусть тот хорошенько осветлит тебе волосы и сделает прическу. Лично я предпочитаю на полных лицах аккуратные стрижки, но это годится для деловых дам. А у тебя теперь стал тип лица, такой же, как у моделей Тициана. И не смейся, дорогая! Если не веришь, посмотри альбом с репродукциями его картин. И помни, одежду бери свободную и не пугайся ее размера. Да, и еще. Я немного приду в себя, позвоню Ире и попрошу, чтобы она показала тебя врачам из гинекологии. Я не верю, что ты не можешь иметь детей. Ответь, ты когда-нибудь аборт делала?

– Нет, мама, не делала.

– А Валентина?

– Не знаю, но, по-моему, нет.

– Да откуда тебе знать? У вас есть платные поликлиники, всегда можно договориться с врачами. Скажи, а Валя дома часто не ночевала?

– Что ты, мамочка? Я всегда проверяла, где она находится. Разве, что бабушка ее прикрывала. Но, в принципе, это возможно. Убеждена в одном, что бы с ней не случилось, Фрося и Миша все провернут, лишь бы не привлекать внимания.

– Ну и ладно, детка. Забудь о них! Давай лучше поговорим на другую тему. Ты, когда будешь у Дили, попроси, чтобы она уступила тебе то, что припрятала для себя. У нее дома

два сундука новых импортных шмоток – мне ее дочь рассказывала. Плати столько, сколько запросит. С тебя она дорогого не возьмет. Деньги у меня пока есть. Слава Богу, мне их мой дорогой Фаргин оставил.

Обговорив с матерью детали своего визита к Заминовой, Таня вышла из комнаты, а Эвелина Родионовна подумала о том, что невольно сделала то, что требовали монахи от тех, кто начинает лечиться – она искренне поблагодарила Создателя за то, что в ее жизни был такой преданный друг, как Женя.

На следующий день, в полдень, дремавшую в кресле Лину разбудила возбужденная дочь – она возвратилась от врача, к которому направила ее Ирина Родионовна.

– Что с тобой, дорогая, ты просто не в себе? – встревожилась мать.

– Еще бы! Да я впервые в жизни оказалась на этом чудовищном кресле! Эти дотошные бабы просто вывернули меня наизнанку.

– Ну, если ты впервые подвергаешься такой процедуре, то значит – либо абсолютно бесплодна, либо совершенно здорова.

– Mamочка, я здорова! Понимаешь, здо-ро-ва! У меня не нашли ни каких отклонений от нормы!

– Прекрасно, деточка. Теперь я смогу спокойно умереть. Это значит, что на старости лет ты не будешь одинокой. Вполне возможно, что рядом с тобой окажется такая же заботливая доченька, как сейчас у меня.

– Вероятно... Но тогда почему я ни разу не залетела? Мы с мужем прожили почти десять лет и никогда не предохранялись.

– А что же ты не пошла провериться?

– Миша всегда считал, что я бесплодна и запрещал обращаться к гинекологам. Говорил, мое тело принадлежит только ему, а он никогда не позволит этим варварам ковыряться в его единственной и любимой девочке.

– Полная чушь! Красивые байки! Пригодны лишь для девственницы, приехавшей из глубинки. А что, Танюша, у тебя кроме Михаила никого не было? Прости, что я спрашиваю... Мы уже столько лет живем в разных городах, и я ничего не знаю об этой стороне твоей жизни.

– Не было, конечно! Как стала с ним встречаться, когда учились на втором курсе, так и все. С женитьбой он тянул, говорил, что Валя уже не дитя, а потому невзлюбит мачеху. Но после, все-таки сделал предложение... Бог мой, какая же я была тогда счастливая! Как Золушка, когда ее нашел принц! Да ты это, наверняка, помнишь. В это невозможно было поверить! Провинциалка из студенческой общаги, и вдруг в дамки! В законные супруги к неотразимому Рийдену! Господи, как Миша тогда был красив, обходителен, остроумен. К тому же он уже защитился. Квартиру имел в центре города. Его дочка была уже не младенец, да и бабушка была на подхвате – в любой момент готова была с ней повозиться. Ну, а свекор – вообще шишка, подполковник со связями. Куда больше?

– Все так, Таня. Действительно, куда лучше. Все есть – и чувство, и отличные условия для жизни. Блестящая партия, да только не для тебя! Это – прекрасный вариант был бы для Лены. Она – стерва, красавица и умница. А ты у меня добрячка, милашка, не в меру чувствительна, да и талантами не блистаешь. Кроме языков тебе ведь ничего не давалось легко. Да ладно, родная. Не мне тебя критиковать! У самой разума не хватило помешать тебе с этим замужеством. Видимо, и я не умнее тебя. Впрочем, сейчас незачем обсуждать эту тему. Главное, что ни тогда, ни теперь для меня лучше тебя никого на свете нет! Такую дочку, как ты, днем с огнем не сыщешь. Давай-ка я встану, заварю чай, а ты звони Заминовой и договаривайся о встрече. Диля будет рада тебе доказать, что и здесь можно выглядеть столичной дивой. А пока запасись терпением. Знаешь, сегодня я хочу, чтобы ты привела меня в порядок: подстрижешь, подкрасишь, отгладишь мои шелковые халаты. А то я тебя критикую, а сама – страшной войны.

– Ну зачем ты себя насилуешь, мама? Я же вижу, что тебе очень плохо!

– Деточка, даже на смертном одре я не намерена изображать монстра. А уж пока шевелюсь, хочу выглядеть, как Шахи-Зинда при лунном свете. Там тоже старые развалины. Но как они загадочны, как романтичны!

– У тебя все юмор, мама. Лучше иди и отдыхай, я все сделаю сама.

Эвелина Родионовна легла поздно, но заснуть не смогла. Откуда-то из подсознания все время выползла мыслишка, что, приведя себя в порядок, она совершила погребальный ритуал, что жизнь закончена, а впереди – тьма, торжество врагов и отчаяние дочери. Чтобы хоть немного уgomониться, Лине пришлось глотать валериану – из-за ужасного лечения по-тайски, ей теперь приходилось употреблять только растительные настойки. Перед рассветом Эвелина забылась.

Проснулась она поздно. На столе лежала записка от Тани, дочь писала, что уехала на встречу с Заминовой.

День тянулся невыносимо долго. Лине было так тоскливо, что ныли челюсти. Телевизор смотреть не хотелось – демонстрировали какую-то ерунду. Можно было бы послушать пластинки: у Пазевской была уникальная фонотека, но она боялась об этом даже подумать. Ей казалось, услышит она несколько фраз в исполнении Горовица или Микельанджело, и умрет от разрыва сердца. Тяжко вздыхая, Эвелина Родионовна устроилась с книгой у окна.

Часов в пять к дому подкатила машина и из нее вышли две шикарные дамы. Через несколько минут скрипнула входная дверь, и перед Линой предстали Татьяна и Дильбар Заминова. Диля, увешенная драгоценностями, с огромным тюрбаном черных волос, облаченная в переливающееся платье из ханатласа, сверкала, словно новогодняя елка. Положив на стол огромные подарочные коробки, перевязанные цветными лентами, она бросилась к Пазевской с объятиями.

– Я так счастлива, что Вы вспомнили обо мне, дорогая! Я Вам так благодарна за дочь! У меня есть к Вам разговор минут на десять, но это после. А сейчас посмотрите на Таню. Она у Вас стала красавицей! Теперь перед ней ни один мужчина не устоит! Костюм, который на ней, я доставала себе для официальных встреч. Он строгий, английского покроя. Это лен с лавсаном, он не мнется, и в нем не жарко. Мне самой эта вещь нравится, но она длинновата – не мой рост. Босоножки и сумка – тоже импортные, поступили в комплекте, по фактуре похожи на плетеную соломку, но это синтетика, а потому быстро не порвутся, ну а обруч, который у нее на голове, обтянут натуральной кожей. Я доставала его для Зухры. Обратите внимание, все вещи составляют ансамбль – подобраны в тон! Над прической и макияжем Танечки работал наш лучший мастер – он недавно приехал из Москвы со стажировки. В общем, все, что на Вашей дочери – Европа. Да, я белье ей подобрала заграничное, и не синтетическое, а из тончайшего натурального шелка. Отделано превосходными кружевами. В коробках есть все, что нужно молодой женщине: пеньюар, ночная сорочка, халат, тапочки... Я с удовольствием позаботилась о Татьяне, но, честно говоря, подобные хлопоты у меня не кончаются уже полгода. Скоро собираюсь выдавать замуж дочь, так что требуется целый вагон денег. Теперь самое главное мебель достать!

Эвелина Родионовна, ошеломленная не столько словесным потоком Диля, сколько видом дочери, молчала.

– Ты теперь похожа на Лавинию, дорогая. Просто неотразима, – выдавила, наконец, из себя Лина.

– Ты это о ком, мама? – смущенно прошептала Таня.

– Это дочь Тициана. Он ее часто писал, потом посмотришь на ее портрет.

Татьяна, действительно, была хороша. Бледно-желтый льняной костюм строгого прямого покроя, украшенный тремя крупными перламутровыми пуговицами, свободно сидел на ее высокой полной фигуре. Легкие плетеные босоножки на устойчивом каблуке и модная сумка цвета взбитых сливок дополняли ансамбль. На голове пышный пучок золотистых вьющихся

волос поддерживал обруч, обтянутый светлой кожей с тисненным золотым рисунком. Мягкий, ненавязчивый макияж был сделан так, чтобы привлечь внимание собеседника к золотисто-карим Таниным глазам, по-детски растерянным и трогательно-печальным. Светло-розовая перламутровая помада делала ее крупные губы похожими на лепестки только что распустившейся розы.

Дильбар сообразив, что так привлекло внимание Пазевской, зашебетала:

– В коробках есть все, что нужно для того, чтобы так выглядеть: тени, тональная пудра, карандаши, тушь. Я думаю, если Танечка потренируется, то уже через пару дней сможет сама так краситься!

Эвелина Родионовна поблагодарила Заминову за заботу, предложила ей располагаться поудобнее и попросила дочь похозяйничать. Таня, переодевшись в новый халат, стала степенно накрывать стол. Лина, глядя на ее медлительные движения, тяжело вздохнула – слишком уж не вязался ее новый облик с внешностью той хрупкой, длинноногой девушки, какой она уехала из дома, поступив учиться на библиотечный факультет столичного пединститута.

Дильбар не замолкала ни на минуту, рассказывая городские новости. Уже позже она выложила то, из-за чего посетила Эвелину Родионовну – ей очень хотелось узнать мнение Пазевской о сыне Джамили Азархановой, Мураде Урманове, за которого она хотела отдать дочь. Парень четыре года занимался в классе Эвелины, после окончания училища ушел в армию, отслужил и недавно демобилизовался. Во времена студенчества Мурад дружил с Зухрой, и теперь Диля вместе с родителями юноши планировали соединить своих детей узами брака. Дело это еще находилось на стадии переговоров, а потому Заминова решила загодя получить объективную информацию о характере своего предполагаемого зятя – она опасалась совершить ошибку, доверив судьбу своей единственной дочери ненадежному человеку. Эти сведения были чрезвычайно деликатного свойства и, как женщина практичная, Диля сочла, что сможет раздобыть их только у Эвелины Родионовны. Заминова была убеждена, что Лина, как опытный педагог, за годы индивидуальных занятий узнала о своем подопечном то, что и для его родной матери является тайной за семью печатями.

Пазевская против Урманова ничего не имела, а потому сказала правду, охарактеризовав юношу, как человека импульсивного, не глупого, не испорченного, но обладающего неустойчивым характером и чрезмерно развитым самолюбием.

– Главное, чтобы Мурик нашел себе дело по душе и по способностям, тогда у него и в семье будет мир и лад! – заключила Эвелина Родионовна.

– Ах, Линочка, работа у него будет замечательная! Джамили берет его к себе в училище педагогом и отдает ему Ваших студентов.

– Моих! Не может этого быть! Это же очень рискованный шаг со стороны Мили, – возразила Эвелина. – Ее сын три года не подходил к инструменту! Да и мои бывшие студенты достаточно продвинуты. Играют программы вполне подходящие для студентов столичного Вуза. Мурику бы подучиться, получить высшее образование... Без него он, вообще-то, не имеет юридического права преподавать в училище специальность. Эта работа требует достаточно высокой квалификации.

– Не волнуйтесь, дорогая! Мурад поступает в Институт Культуры на заочное отделение, так что у него нет причин отказываться от такой престижной работы. Студент столичного вуза, да диплом нашего училища – все, как положено. Хотя я, конечно, всех тонкостей Вашего дела не знаю.

– Похоже, Вы уже решили, что Зухра бросит учебу в столице и приедет сюда, к нему.

Через год она окончит второй курс, переведется на заочное отделение и вернется. А за это время мы купим им квартиру, обставим, одежду приобретем, деньги на свадьбу соберем. Я к этому союзу отношусь положительно. Парень симпатичный, мать – директор училища, отец заведует городским отделом образования. Вы же его хорошо знаете, это – Исмаил Урманов.

С ним Ваш Женя часто общался по работе. Иса – человек очень влиятельный, а как мужчина просто неотразим. Красавец в самом расцвете сил, ему ведь нет и сорока трех лет. Они с Джамилей ровесники, поженились совсем молодыми.

– Все понятно, Диля. У меня только один вопрос. Азарханова объяснила Вам, с чего это она решила так рисковать, пристроив сына преподавать в училище специальное фортепиано? Ему бы поначалу поднабраться опыта на менее ответственной работе. Ну, хотя бы взять нагрузку по курсу общего фортепиано, чтобы обучать вокалистов, народников. В крайнем случае, оркестрантов. Все проще...

– Мне, конечно, безразлично, чему будет учить студентов Мурад. Но Джамилия мне растолковала, что обучать студентов в училище по специальности престижно. Это все равно, что быть тренером республиканской юношеской сборной по какому-либо виду спорта. А вот вести класс общего фортепиано – бесславный труд. Он равносильен работе учителя по физкультуре в школе с математическим уклоном, где все учащиеся либо полудохлые очкарики, либо «высоколобики», страдающие от ожирения.

– Очень остроумное сравнение! Я потрясена, сколь доходчиво моя подруга объяснила Вам суть этой весьма специфической проблемы. Воистину, с головой у нее все в порядке.

Заминова, услышав от Эвелины положительный отзыв о Мураде, покинула ее окрыленная: что бы там не болтали окружающие о Пазевской, а Дильбар ей верила. Она считала Лину женщиной проницательной и с характером. К тому же Диля полагала, что ее взбалмошная и неорганизованная Зухра поступила в Институт только благодаря педагогическому мастерству Эвелины Родионовны. Между тем, теперь Заминова торопилась вернуть дочь домой и поскорее выдать замуж. Она опасалась, что девушка, насмотревшись на свободные нравы, царящие в столичной общаге, где она живет, пустится во все тяжкие, позабыв о целомудрии, столь почитаемом в семьях, приверженных национальным традициям.

Чем ближе время шло к вечеру, тем мрачнее становилась Эвелина Родионовна. Впервые для нее прояснилась ситуация вокруг доносов о ее неблагонадежности и сплетне о заразе, которой она может наградить любого, вступившего с ней в контакт. Цель этой затеи мог не увидеть только слепец: Джамиле для своего профессионально неоперившегося сыночка понадобился ее отлично адресированный класс. При этом Азарханова отобрала у Пазевской учеников так ловко, что теперь об их уважении к ней стало неприлично даже вспоминать. Джамилия проделала это почти гениально: две умело состряпанные бумажки плюс одна ловко запущенная «утка», и Лина превратилась в изгоя. Пазевской было жаль своего титанического труда, который она затратила на своих учеников. Все это оказалось мыльным пузырем, лопнувшим при первом же дуновении ветра. Никому из родителей ее подопечных и в голову не пришло защитить ее доброе имя.

– Ну, что ж, дорогие мои. Подписав кляузу, вы автоматически предопределили профессиональное будущее своих отпрысков. Теперь их судьба, не мое дело. Ребята получают то, что вы захотели сами – духовного наставника с кругозором тапера, недоучки, который на протяжении трех лет не имел никакого соприкосновения с классикой. Но, Миля... Миля! Моя единственная, моя дорогая подруга. Выставила меня перед всем городом растлителем юных душ и заразной шлюхой! Надругалась даже над светлой памятью Женечки... В общем, что говорить, мастерица по грязным технологиям! Будь у меня силы и жизнь, я бы попыталась рассчитаться с ней, а так? Господи, о чем я думаю? Может, у меня вообще на этом свете осталось несколько светлых дней? До начала следующего курса осталось всего четверо суток!

Было поздно. Эвелина Родионовна смертельно устала. Она с трудом поднялась с кресла, на котором отдыхала в гостиной, и направилась в свою спальню. Навстречу вышла Таня. Она была в просторном шелковом бледно-розовом пеньюаре, отделанном тончайшим кружевом. Под ним виднелась полупрозрачная ночная сорочка, сквозь которую просвечивало молодое,

роскошное тело. Ее нежное, печальное лицо утонуло в море кудрей, золотистыми змейками, струящимися по белоснежным плечам и пышной груди.

– Ну, дорогая, ты прекрасна, как Тициановская модель! Приляг перед зеркалом, и затмишь его знаменитую Венеру! Не хватает только толстеньких кудрявых ангелочков, – восхищенно произнесла Лина, и в ее глазах закружились ледяные искры.

– Если не очень утомилась, зайди ко мне в комнату на несколько минут. Есть дело.

Скинув халат и с облегчением вытянувшись, Эвелина спросила дочь:

– Скажи детка, теперь ты себе нравишься?

– Да, мама, и это меня удивляет! Я привыкла видеть себя молодой, изящной и подвижной, а этот облик мне непривычен. Я по-прежнему думаю о себе, как о мерзкой корове, но подхожу к зеркалу и понимаю, что это не так.

– Скажи, ты очень скучаешь по мужу?

– О чем ты, мама? Я слышать о нем не могу! Меня трясет от отвращения и страха!

– Ну, а если тебя станет домогаться высокий эффектный брюнет в самом расцвете сил, и к тому же влиятельный и при деньгах

– Не знаю, я об этом не думала. Такой человек, наверняка, женат, и у него есть дети. Полагаешь, я рискну снова нарваться на неприятности? Нет, ни за что! Теперь я никому не верю, всех боюсь, а потому ни от кого ничего не хочу.

– Отлично, родная. Но если за тобой начнут ухаживать, сможешь ли ты держать себя в руках, не дерзить, не дергаться и отказывать с милой улыбочкой, поблагодарив за внимание?

– Конечно, мама. Если это произойдет, я действительно буду польщена. Но сойтись? Нет, это просто невозможно! Ни за что!

– Хочу сказать тебе еще одну вещь. Запомни, если легкомысленно отнесешься к интимным отношениям с кем-нибудь из здешних жеребчиков, то рискуешь сразу же залететь. И не смотри удивленно! Я полагаю, твой Миша уже много лет бесплоден, потому и к врачам тебя не пускал... Теперь о деле. Завтра ты встанешь пораньше, приведешь себя в полный порядок и пойдешь в Горисполком к Урманову. Он старый приятель Фаргина, его кабинет находится на том же этаже, что был у Жени – мой друг заведовал отделом индивидуального строительства. Исмаил хорошо со мной знаком, его сын окончил у меня училище три года назад. Ты представишься ему, скажешь, что я при смерти, а потому хочу точно знать, в чем меня обвиняют. Если Иса сможет добраться до кляуз, порочащих мое имя, пусть сделает с них копии. Я хочу с ними ознакомиться. Это – дело серьезное. Мы обе не в курсе того, сколько мне осталось жить, поэтому смело иди и проси. Он не посмеет тебе отказать. И помни, родная, тебе надо себя беречь. Пока ты еще не готова к встряскам, которые бывают у тех, кто заводит романы с женатыми мужчинами!

Таня поднялась, чтобы уйти, но Лина остановила ее. С трудом встав с постели, она достала из тумбочки бархатную коробочку и отдала ее дочери.

– Здесь изумительный, поистине царский гарнитур из золотистых топазов: серьги, подвеска на бархатной ленточке и кольцо. Мне его Женя подарил незадолго до своей гибели. Купил в столичной комиссионке. Я его не носила, мне кольцо велико. Хотела отдать мастеру, чтобы уменьшил, но не успела. Все это оденешь завтра со своим новым костюмом – ты должна быть неотразима. Держись с достоинством и не сутулься. Представь, что ты императрица Екатерина II. Поняла? Перед уходом обязательно разбуди меня, я хочу поглядеть, как ты будешь выглядеть.

Эвелина спала плохо. Она ощущала, что к ней возвращаются силы, но понимала, что в их основе лежат совсем не те чувства, которые еще совсем недавно были сутью ее личности: любовь к прекрасному, уважение к людям, вера в силу добра. Она четко осознавала, что прилив энергии, поднявшийся из глубины ее истерзанного существа, рождается из собственной

агонии, а потому замешан на смертельной ненависти, нечеловеческой боли и неистребимой жажде мщения.

Утром, проводив дочь, Пазевская облегченно вздохнула. Теперь одиночество и тишина Лине стали необходимы – они помогали ей погружаться в глубины собственного «я». Она содрогалась при виде грозовых туч и черных молний, полыхающих на некогда светлых просторах ее изболевшей души, а потому становилась все сумрачнее и сосредоточеннее. Еще раз, обдумав создавшуюся ситуацию, Эвелина одобрила свое решение послать Таню на прием к Урманову. Она предполагала, что у Исмаила, такого крупного, шумного и эмоционального мужчины, давно должна была быть набита оскомины от общения с маленькой, желчной, сухопарой и непомерно амбициозной Милей, а потому он просто не сможет не расчувствоваться при виде Тани – такой роскошной, золотоволосой, безутешно-печальной и молодой.

Пазевская все рассчитала правильно, и через два дня Исмаил Азизович посетил их лично. Он поблагодарил Эвелину Родионовну за то, что она настолько хорошо обучили его сына, что теперь ему доверяют в училище работу педагога по специальности, а потом, показав копию доноса, ходившего по рукам в высших инстанциях, попросил Пазевскую его прокомментировать.

Эвелина была мастером разговорного жанра. За пятнадцать минут она убедила Урманова, что клязгу написали завистники и неучи. Она объяснила, что альбом с репродукциями картин Пикассо легально завезен в страну доцентом Киевской консерватории Гаврилиной после гастролей по Франции, а потому не может быть признан контрабандой. Лина разъяснила Исе, что знакомство учащихся с разными аспектами творчества художника, автора знаменитого голубя, ставшего символом мира на земле, не может квалифицироваться, как пропаганда буржуазного мировоззрения. А после этого рассказала, что выдающегося французского композитора Мессиаана все просвещенное человечество знает, как страстного поклонника природы, записывающего голоса птиц, а потом вставляющего эти записи в свои сочинения. Его пьесы, вошедшие в альбом под названием «20 взглядов младенца Христа», напрямую не связаны с духовной музыкой, так как не имеют текстов. Они пронизаны любовью ко всему человечеству и пропагандируют религиозное мировоззрение не более, чем картины Рафаэля, Микельанджело и Да Винчи, с изображением мадонн, а эти шедевры составляют гордость лучших музеев страны.

Исмаил сидел красный, как вареный рак, и молча слушал лекцию Пазевской. Уходя, он пообещал помочь Тане получить временную прописку по уходу за матерью. Уже прощаясь в прихожей с молодой женщиной, Иса горестно прошептал:

– Ваша мама блестящий специалист. Я бы мечтал, чтобы она по-прежнему опекала моего сына. К сожалению, это уже невозможно! Ужасно сознавать, что последние месяцы жизни такого человека омрачены потоками клеветы. Сделаю все, что в моих силах, чтобы аннулировать все обвинения в ее адрес.

Урманов с энтузиазмом взялся за это дело не только по соображениям чистого альтруизма. Он искренне считал, что инсинуации в адрес Эвелины Родионовны рикошетом бьют и по его семье. Исмаил рассуждал логично: в городе все знали, что Пазевская была очень близка с Джамилей и та прислушивалась к профессиональным советам подруги. Миля с гордостью трубила на каждом углу, что под ее руководством их сын Мурад станет высококлассным специалистом. Теперь парень приехал, только начинает свою педагогическую деятельность, и от ошибок не застрахован. В создавшейся ситуации любой его профессиональный промах может быть истолкован недоброжелателями их семьи не как проявление юношеской незрелости, а как сознательное вредительство, осуществляемое в соответствии с порочной идеологией, усвоенной им в классе своего неблагонадежного и социально опасного преподавателя.

Исмаил успешно провел работу по реабилитации Эвелины Родионовны в высших эшелонах власти. Окончательно обелить имя Пазевской взялась сама Азарханова. К этому делу она

приступила с энергией, достойной восхищения, так как была полностью удовлетворена тем, как развиваются события. Как ни странно, но Джамилю необыкновенно вдохновлял тот факт, что добила она подругу чужими руками. Миля прекрасно рассчитала оптимальное время для нападения. Она нанесла удар тогда, когда физические и душевные силы Лины были подорваны не только бесконечной чередой несчастий, свалившихся ей на голову, но и проблемами со здоровьем, неизбежно возникающими у женщин, перешагнувшими пятидесятилетний возрастной порог. В итоге, покончить с Пазевской оказалось настолько легко, что у Джамили возникло ощущение, будто само провидение взялось помогать ей в этом деле. И вот теперь, когда Лина находилась на пороге лучшего мира, Азарханова надумала превратить погребальный костер, на котором она так ловко сожгла доброе имя подруги, в вечный памятный огонь. Ей показалось, что из его искр она сумеет соорудить великолепный нимб для собственного отпрыска. Достаточно было объявить Эвелину Родионовну гениальным педагогом, ставшим жертвой несправедливых гонений, а Урманова – единственным из ее воспитанников, сумевшим в полной мере воспринять и усвоить традиции советской пианистической школы. После этого все почести, предназначавшиеся окруженной мученическим ореолом Пазевской, автоматически унаследует Мурад, как самым одаренный из ее учеников.

Азарханова справилась с поставленной задачей блестяще. На собрание в актовом зале училища она пригласила местную интеллигенцию, корреспондентов центральных газет, представителей горкома, обкома и профсоюзных организаций. Джамиля разразилась блистательным панегириком в адрес Пазевской, гневно обвинила в инсинуациях тех, кто писал на нее клеветы, а потом предупредила доносчиц, что впредь никто и никогда не будет рассматривать их жалобы. После сораища, закончившегося здравицей в честь умирающей, Миля пригласила клеветниц, заклеянных общественным мнением к себе в кабинет. Там она и сообщила перепуганным женщинам, затеявшим эту склоку под ее личным нажимом, об ожидающем их счастье: отныне их чада станут постигать тонкости пианизма в классе лучшего выпускника Эвелины Родионовны, а ныне студента Института Культуры, Урманова Мурада Исмаиловича. Умолчала Миля только об одной детали: ее отпрыск, использовав льготы, предоставляемые тем, кто отслужил в армии, поступил туда учиться по специальности «клубное дело», что к искусству игры на фортепиано не имело ни малейшего отношения.

А в это время насмерть перепуганная Таня плакала у постели бредившей матери, которая периодически разражалась тихим смехом, переходящим в горькие слезы. Эвелина горела, как в огне: шли четвертые сутки второго цикла ядотерапии по-тайски.

6

Отравленный мозг Эвелины проделывал с ней удивительные трюки – он складывал в пеструю, подчас совершенно нелепую мозаику ее впечатления от природы, произведений искусства, жизни. Все, что когда-то тревожило и восхищало, пугало и отталкивало ее тонко организованную, артистическую натуру, проходило перед ее глазами то в причудливо-пленительной, то в откровенно несуразной форме.

На этот раз Лина видела себя юной красавицей, гуляющей по прекрасному саду. Жаркий воздух был напоен запахами лавровых деревьев и цветущих магнолий. Под теплым ветром тихо шелестели изумрудные листья эвкалиптов и едва покачивались ветви высоких, почти черных кипарисов. Эвелина стояла на площадке, в центре сада, откуда расходились в разные стороны три дорожки, посыпанные красным песком. Одна вела к замку, расположенному на горе, другая к искусственному озеру с пресной водой, а третья спускалась к океану.

Неожиданно на дорожке, ведущей из дворца, появилась стайка девушек, одетых в белые хитоны и легкие сандалии. Лина оглядела свой наряд и увидела, что он гораздо богаче и живописнее, чем у них: ее хитон – алый, с золотым шитьем, украшенный рубинами, сверкал, как солнце на закате.

Девушки, подбежав поближе, поклонились и зашебетали, словно стайка перепуганных пташек. Одна твердила, что Эвелину требует к себе ее отец – царь Агенор, другая, что в саду у озера пасется огромный белый бык с перламутровыми рогами, а третья, что лебеди, которые всегда плавали в озере, так его испугались, что поднялись в воздух, несмотря на подрезанные крылья. Самое удивительное, что девушки величали ее принцессой Эвой. Лина, сообразив, что эти особы – ее подданные, приказала им удалиться. Девушки безропотно выполнили ее приказ, а Эва направилась к озеру, желая удовлетворить свое любопытство.

Она подошла к водоему и обомлела. На берегу посреди клумбы из маргариток и анемонов лежал огромный белый бык с перламутровыми рогами в форме лиры, которые под солнечными лучами переливались, словно розовый жемчуг. Его взгляд был таким покорным, что она осмелела, подошла и стала гладить. Оказалось, что бык покрыт точно такой же короткой, мягкой шерстью, как и ее любимый белый кот. Эва развеселилась и, забыв об осторожности, попросила животное ее покатасть. Бык послушно приник к земле, и она взобралась на него. Расположившись поудобнее на его огромной спине и вцепившись в искривленные рога, Эва взмолилась:

– Белорожка, дорогой, ты мне так нравишься! Беги по саду и ничего не бойся. Здесь я хозяйка, и тебя никто не посмеет обидеть!

Бык осторожно поднялся и побежал. Двигался он так легко и быстро, что Эве стало казаться, будто она сама несется по аллеям с невиданной дотоле быстротой. Черные ряды кипарисов, яркие клумбы с экзотическими цветами – все мелькало перед ее возбужденным взором.

Бык, чувствуя, что всадница от него в восторге, осмелел, подбежал к морю, кинулся в него и поплыл. Эва сама удивлялась, что относится к этому так спокойно. Возможно, ее успокаивала уверенность в том, что Белорожка ее никогда не обидит. Животное плыло легко и быстро и она, убаюканная мерным покачиванием на волнах, задремала. Внезапно Лине показалось, что все происходящее – картина, на которую она смотрит со стороны: на безбрежных, темных просторах океана, по молочно-розовой дорожке, светлеющей в отблесках заката, плывет белоснежный бык. На его спине примостилась хрупкая темноволосая девушка в алом одеянии. Рубиновые лучи заходящего солнца, отражаясь в перламутровых рогах животного и золотом шитье на одежде всадницы, золотым дождем сыплются на розовые верхушки волн. В бескрайнем жемчужно-сером небе сквозь прорехи темных с сиреневой бахромой облачков мелькают искорки первых звезд, и проглядывает полупрозрачный рожок молодого месяца. Это зрелище было столь величественно, что Эвелина Родионовна вскрикнула от восхищения и очнулась.

В комнате стояла тишина, за окном виднелось закатное небо, у кровати в слезах сидела Таня, а у стола стояла Ира и что-то наливала в стакан.

– Выпей, Танечка, успокойся... Линочка все перетерпит и поправится! Ее лечение идет строго по плану. Ты же видела, что творилось с Ларой... Ей было еще хуже. Я хоть и врач, а этого вынести не могла. Струсила. Лекарства доставала все, даже морфий. Но сидеть рядом было выше моих сил. Понимаешь, на работе черствеешь. Там это необходимо, иначе будешь не врачом, а плакальщицей! Но, когда дело касается родных – все валится из рук. Иногда просто голову теряешь.

– Ира, налей и мне что-нибудь. Так хочется пить, – еле слышно прошептала Эвелина. Таня быстро смахнула слезы, Ирина Родионовна улыбнулась и обе женщины, воспрянув духом, засуетились вокруг больной.

– Господи, у меня в голове какая-то свистопляска! – решила Лина. – Дикая мешанина из впечатлений от парка в Гаграх, кипарисовой аллеи в Новом Афоне и картины Серова «Похищение Европы». Жаль, я никогда не видела ее в цвете, только черно-белую репродукцию. Интересно, как она смотрится в подлиннике? Понятно, Белорожка – это Зевс, а я – его возлюбленная Европа... Припоминаю, в древнегреческих мифах говорится, будто они жили на Крите и у них было три сына. Старшего звали Миносом. Когда он возмужал, то стал правителем острова и

повелителем на просторах Эгейского моря. Удивительно! В видениях любые образы выглядят гораздо ярче, чем в повседневной жизни. Интересно, увижу ли я продолжение этого сюжета?

Эвелина попила чай, немного отдохнула, а к вечеру, содрогаясь от страха, проглотила очередную порцию яда. Через полчаса она снова впала в забытие.

Ей виделось, будто она находится на Крите, в Кноссе в своем роскошном дворце. По ее приказу его воздвигли на живописном холме – правительнице хотелось, чтобы с его террас открывался вид на город и на море. Эве нравилась ее жилище: просторное, украшенное ажурными лестницами и колоннадами, оно особенно привлекало ее своими внутренними двориками, освещающимися сквозь маленькие окна, проделанные в потолках. Через них в помещения проникали свежий воздух и свет, благодаря ним даже в самые знойные дни внутри царили прохлада и приятный полумрак. Высеченные из камня резные вазы, великолепно расписанная керамика, роскошные изделия из бронзы, золота и серебра приковывали взор. Но самым большим чудом Кносского дворца Эва считала красочные фрески, покрывающие стены, потолки, а в ее покоях даже полы. Однако среди этого великолепия, больше всего завораживала Лину красная стена в тронном зале. На ней по ее приказу мастер изобразил мифических чудовищ-грифонов. Царица в душе посмеивалась, глядя какой страх они внушают простым смертным, приходящим к ней во дворец с просьбами.

Эвелина бродила по комнатам в одиночестве. Она с грустью вглядываясь во фреску, на которой придворный художник запечатлел ее облик во времена ее юности – в открытом платье из тончайшей материи, отделанной оранжево-черной каймой Эва была неотразима. Со слезами на глазах правительница подошла к другой стене, там был изображен огромный бык в окружении молодых девушек. Королева с тоской оглядывала дворец, понимая, что должна расстаться со своей второй родиной, где была так счастлива. Громовержец и сам любил Крит – он здесь родился. Именно поэтому, много лет тому назад он и привез сюда ее – прелестную Финикийскую царевну, в тот момент, когда пожелал сделать своей земной супругой. Долго жили они в любви и согласии, за это время у них родилось трое сыновей. К несчастью, Зевс изменил ей, увлекшись прекрасной Мнемозиной. Правительница Крита, возможно, и перетерпела бы увлечение супруга, не будь его новая подруга столь плодовита – она осчастливила Громовержца, родив ему девять дочерей. После этого Зевс окончательно расстался с Эвой. Он решил всерьез заняться девочками, дав им достойное воспитание, так как надумал со временем сделать их музами – покровительницами искусств и наук.

Эвелине казалось, что венценосный супруг ее окончательно забыл, но на рассвете он посетил дворец и приказал ей вместе с сыновьями, не мешкая, покинуть остров. Зевс предупредил, что грядет катастрофа, и просил их, бросив все, немедленно уезжать: он хотел спасти и Эву, и сыновей, которым собирался покровительствовать всю их жизнь.

Эвелина посмотрела на небо, солнце стояло в зените, пора было собираться в дорогу. Вызвав к себе двух служанок, она приказала им уложить в серебряные лари все самое ценное и отослать на корабль. Ближе к вечеру Эва с детьми покинули дворец, а ночью началось светопреставление – гигантский вулкан на соседнем острове Фара проснулся.

Извергая из своего чрева потоки огня и кипящей лавы, он превратил море, по которому плыл корабль с Эвелиной и мальчиками в адский котел. Перепуганная царица взмолилась, призывая на помощь Громовержца и его брата – властителя морей Посейдона. Она догадывалась, что в это время чудовищные волны, опустошая Крит, уносили в море ее подданных вместе с их жилищами. Эвелина тряслась от ужаса, ее бил озноб, зубы стучали. Почувствовав страшный холод, она пришла в себя. .Ира поправляла салфетку со льдом, которую наложила ей на лоб.

– Что со мной? – пролепетала Лина.

– У тебя жар, дорогая. Ты бредила, кричала, умоляла спасти тебя и детей. Слава Богу, очнулась. Сядь на кровати, не лежи, как бревно! Садись, сейчас я тебя помою.

– Бред какой-то! Мне казалось, будто я с сыновьями на парусном суденышке попала в бурю, вызванную извержением вулкана.

– Отдыхай, родная. Ты дома, Таня спит, а вчера вечером звонила из Израиля Лена. У нее все в порядке. Она пообещала прислать новое лекарство от рака. Но думаю, что ты обойдешься без него. У тебя все лимфоузлы опали, стали значительно меньше. Потерпи до утра, завтра начнешь пить противоядие.

Неделя тянулась медленно. Лина была очень слаба несмотря на то, что пила порошки, очищающие организм от отравы. Она окончательно потеряла ко всему интерес. Ее абсолютно не радовало, что на собрании в училище городская общественность постановила сменить хулу в ее адрес на похвалу, и совершенно не оскорбляло, что Джамиля отдала ее учеников своему сыну – студенту первого курса Института Культуры. Тощая и безжизненная, еле передвигаясь по дому, Эвелина с отвращением глядела на свою иссохшую кожу, сквозь которую проступила сетка вздувшихся капилляров.

– Ну, точно, сетчатый питон. Только в голове гул и ничего общего с Пифией. Видения красивые, но в чем их тайный смысл не пойму.

На седьмые сутки Лине стало полегче. Но это ее мало утешало. С утра предстояло начинать новый цикл ядотерапии, а это означало, что впереди ее ждали новые приступы бреда и высокая температура. Эвелине стало казаться, что эту неделю она уже не переживет.

– Ничего, быстрая смерть – не самое страшное! Я где-то читала, что одна жрица, фанатично служившая богине Гере – небесной супруге Зевса – долго вымаливала у нее для своих сыновей самую великую милость, на которую та способна. И Гера исполнила просьбу наивной матери – послала ее детям смерть во сне.

Поздно вечером Эвелина Родионовна позвонила сестре и попросила ее забрать Таню в больницу. Лина не хотела, чтобы дочь после пережитых ею потрясений, присутствовала при ее возможной кончине.

– Линочка, Танюша не безумная. Она не согласится покинуть тебя добровольно! Не посылать же за ней санитаров! Но, в главном, ты права, я пришлю к тебе двух сиделок и поговорю с врачами, чтобы они поддержали ее медикаментозно.

На следующее утро, принимая отраву, Лина шептала:

– Может, досмотрю последнюю серию удивительной истории о Зевсе и Европе. Прекрасное зрелище напоследок устроил мне Всевышний! Поистине, королевский уход в небытие!

Сутки Эвелина горела, как в адском котле. Потом температура немного понизилась и видения возродились в ее воспаленном мозгу.

Она видела себя супругой бездетного царя Астерия, который воспитал ее мальчиков. Ее старший – Минос, любимец дяди Посейдона, вернулся в Кносс, где с его помощью стал правителем. В день восхождения юноши на престол, властитель морей послал племяннику в дар быка, чтобы тот своим грозным видом внушал трепет всем, кто посещал остров. Минос чувствовал себя счастливым. Помимо власти над Критом и над Эгейским морем он владел и красавицей-женой, внучкой Солнца, Пасифаей. Правитель любил свою супругу, баловал ее, но детей у них не было. Царица Эва переживала из-за этого полагая, что кто-то из них нездоров.

Эвелина сидела на троне, погружившись в свои мысли и не расслышала, как слуга объявил о приезде гонца с Крита с посланием от его правителя. В присланной грамоте Минос сообщал о рождении сына и умолял мать, не рассказывая об этом никому, приехать. Эва, собрав дорогие подарки, не мешкая двинулась в путь. Как проходила дорога, Эвелина не помнила, но она чувствовала на своем лице дыхание прохладного морского ветра. Придя в себя на несколько минут, Лина услышала возглас сестры. Та кому-то говорила:

– Слава Богу, температура у нее упала, скоро станет полегче.

Несмотря на это, видения у Эвелины возобновились, а потому она несколько не удивилась, очутившись на террасе Кносского дворца. Минос нерешительно ввел ее в опочивальню,

поставил около ложа скамеечку, усадил на нее королеву-мать и откинул полог. На белоснежных простынях Эва увидела крупного младенца мужского пола, его тело было покрыто бурой шерсткой, а на шее красовалась крошечная головка теленка. От ужаса Эвелина лишилась языка.

– Пасифая говорит, что ребенок пошел в деда. Она утверждает, будто ты имела дело с отцом, когда тот был в образе быка, вот поэтому и наш малыш лишь наполовину человек. Супруга назвала его Минотавром.

– Твоя жена просто скотина! Оболгала и меня, и самого Зевса! Он ко мне в опочивальню входил только в человеческом облике. А вот твоя жена путалась неизвестно с кем! Может даже с быком Посейдона – он ведь не вылезает из вашего сада! Позови Пасифаю, и немедленно!

– Я здесь, королева, и скажу, что ты сама глупая корова! Не понимаешь, что твой сын бесплоден, как пустыня и похотлив, как козел? Я удаляюсь. Но только посмейте причинить вред моему младенцу! Бык Посейдона в тот же час разнесет ваш дворец на куски! А ты, мой супруг, мне просто отвратителен... Я – внучка великого Гелиоса, проклинаю тебя! Отныне твое семя принесет смерть любой женщине, с которой ты захочешь сойтись – оно будет полно скорпионов, змей и сколопендр! Посмотрим, во что превратится после этого твоя жизнь, и как ты станешь осуществлять свои мерзкие эротические фантазии!

Пасифая исчезла, а Эва и Минос остались стоять, как громом пораженные. Не прошло и получаса, как встревоженная стража им доложила, что бык Посейдона взбесился, проломил ограду сада и, круша все на своем пути, убежал куда-то за город. В эту минуту Минос – гроза Эгейского моря, упал на колени и заплакал, простирая руки к статуе своего отца, стоящей посреди тронного зала.

– Я немедленно отправляюсь в Дельфы, в храм Аполлона к Пифии. Пусть спросит Зевса о твоей судьбе. А ты не печалься, сынок, у меня под стражей за убийство своего племянника находится величайший зодчий нашего времени Дедал. Его доставят к тебе тайно, а я оповещу всех, будто он сбежал. Дедал построит дворец для этого мутанта, да такой, что тот не выберется из него. Будешь давать ему пищу, и дело с концом. А пока он маленький, приставь к нему корову, пусть кормит его, как обычного телка. Главное, не говори никому, что его родила твоя жена. Оповести подданных, будто Пасифая отправилась к своим родителям, так как собирается рожать под их присмотром.

Как добиралась королева Эва до Дельф, Лина не знала. Она только чувствовала страшный холод, и сквозь мрак замутненного сознания до нее долетал встревоженный голос Иры, кричавшей кому-то, чтобы несли горячие грелки и теплые одеяла. Эвелина постепенно согревалась, и ей чудилось, что тепло исходит из расщелины горы, около которой стоит Пифия, облаченная в черный развевающийся плащ. Едкие пары белыми клубами поднимались к небу и сквозь них, как сквозь туман Эве чудился глухой голос прорицательницы.

– Слушай, наивная женщина, – изрекла незнакомка, – за Миноса не тревожься, его великий отец не оставит без поддержки. Придет время и на Крите появится куртизанка Прокрида. Она излечит Миноса и помирит его с Пасифаей. У них будет трое детей. Их дочь Ариадна прославится в веках. Став девушкой, она поможет герою Афин Тесею уничтожить своего сводного брата-людоеда Минотавра, а после выйдет замуж за бога Диониса.

– Ты хочешь сказать, что мой сын простит Пасифаю?

– Простит! Она скажет, что поступила так же, как и ты. Только тебе повезло, а ей нет. Тебе попался Юпитер, а ей – обыкновенный бык. И не переживай ты за Миноса! Он еще потиранит и позверствует на своем веку. Пойми, для тебя это – прошлое! Лучше подумай о настоящем. Побеспокойся о своей незащитной и несчастной дочери! Ты должна поехать к ней в дом и наказать тех, кто пытался ее уничтожить: лекаря – отравителя, супруга – убийцу, свекровь – сводню и падчерицу – блудницу.

– Я бы рада защитить Таню, но я сама на пороге смерти, – сквозь слезы пролепетала Эвелина.

– Да, сейчас ты находишься у ее ворот, и ты войдешь в них. Однако твоя миссия на земле не окончена, а потому придется возвратиться назад. Но помни, жить ты будешь только при условии, что каждую весну в течение недели станешь пить свою отраву. Чувствовать ты будешь то же, что и питон, когда меняет кожу. Возможно, со временем ты станешь Пифией и заменишь меня. А пока учись читать в книге имен и береги силу своей ненависти! Запомни одно: не связывайся с Аджиной. Она злой дух, а потому – моя добыча! Только я ведаю, как ее победить. Ты еще удивишься, узнав, как я с ней обойдусь. Аджина, охваченная любовью, сама меня призовет, но вместо меня столкнется со своей собственной космической сущностью. И помни, тебя это не касается! Главное, никогда не забывай Белорожку! Кто еще кроме Зевса – отца муз в этом мире может о тебе позаботиться? Сама же прекрасно понимаешь – по меркам своего времени ты – откровенная безбожница!

Эвелина подошла к краю скалы, пытаясь получше разглядеть прорицательницу, но не удержалась и полетела вниз, в смрадную бездну. Она почувствовала, как ее подхватил жаркий и душный смерч и поволок по темному туннелю, притягивая к раскаленному центру земли. Но в тот момент, когда пылающая бездна протянула свои огненные пальцы, чтобы ее схватить, появился Белорожка. Он поднял ее на рога и вышвырнул на поверхность. Эвелине показалось, что, взлетев, она пробила головой что-то невероятно твердое. Закричав от невыносимой боли, она очнулась...

Глубокая ночь. В доме – тишина. Она лежит на своей постели. Голова гудит, как орган в церкви. В открытом окне в черном небе виднеется серебристо-серое облако, похожее на громадного вздыбленного быка, у которого на месте рогов сверкает перламутровый рожок молодого месяца.

Вскоре появилась сиделка, притронулась к ее влажному лбу и вскрикнула:

– Ирина Родионовна, у Вашей сестры температура упала! Идите спать, я уж за Вас до утра подежурю.

Вошла Ира, пощупала пульс у Эвелины, чмокнула ее в щеку и, спотыкаясь, побрела прочь.

– У Вас всю неделю было за 40. Ваша сестра измаялась, глядя на это. Она, конечно, могла бы сбить температуру, но боялась, что из-за этого все лечение пойдет насмарку. Только раз, когда Ваше состояние было критическим, она сделала инъекцию, чтобы поддержать сердце, – пояснила сиделка.

Наступило утро, но Эвелина этого не заметила. Она лежала истерзанная и страшная, похожая на застывший детский скелетик. У нее не было сил взглянуть на тех, кто суетился вокруг нее. Лине казалось, что у нее нет сил даже лежать. Время для Пазевской перестало существовать.

Между тем, Ирина, измотанная и постаревшая, предоставив заботу о сестре сиделкам, пригоршнями глотала витамины и успокоительное, пытаясь поскорее привести себя в норму. Таня же целыми днями что-то готовила, понемногу стирала, убиралась, а по ночам бродила по дому, печально уставившись себе под ноги. Как-то раз позвонила Ефросинья Павловна узнать, не сможет ли сноха вернуться, чтобы снова взяться за ведение хозяйства своей семьи, старуха заявила, что ей не под силу обслуживать сына и внучку. К счастью, в тот момент в доме оказалась Ирина Родионовна. Она взяла трубку и так отчитала Фросю, что та больше не пыталась связаться с ними. А Эвелина без сил, без мыслей, без надежд лежала повернувшись лицом к стене: она считала, что жизнь прожила, будучи наивной до бездарности, ко всему, настоящее виделось ей омерзительным, а будущее – отвратительным. Любить она больше не желала, а на ненависть не было энергии. Все потеряло для нее смысл, все умерло. Только однажды, услы-

шав за окном веселые детские голоса, Лина подняла голову и спросила дочь: – Какое сегодня число? Оказалось – первое сентября...

7

Учебный год для Азархановой начался великолепно. Вернувшись в училище из обкома в полдень, она попросила секретаршу заварить чай и принести чайник к ней в кабинет. Миля была счастлива, все складывалось так, как она запланировала. На какое-то мгновение ей даже показалось, будто госпожа Удача бережно несет ее на своих крыльях. Оглядевшись, она удовлетворенно хмыкнула – менее чем за год руководства, она обустроила свое рабочее место так, как хотела: любой входящий сразу понимал, что имеет дело с влиятельной, деловой женщиной и при этом, эрудированным специалистом. Солидный письменный стол с телефонами, кондиционер, концертный рояль, великолепная стереосистема, стеллажи с книгами, нотами и экзотическими сувенирами, огромный напольный ковер и портрет вождя, вышитый народными мастерицами, составляли прекрасное обрамление ее персоне, подчеркивая всю ее значительность. Особое удовольствие Джамиле доставляла просторная приемная, в которую она перерудовала соседний класс, изъяв его из учебного процесса.

Радость переполняла Азарханову. Звонким мажорным аккордом звучало в ее душе удовлетворение от того, как виртуозно она обыграла Пазевскую, и теперь в результате этой победы Мурад получил работу, на которой за несколько лет превратится в одного из самых уважаемых людей в городе.

Джамиля живо представляла себе, как сын, импозантный и самоуверенный, появляется на выпускных экзаменах в музыкальных школах-семилетках, чтобы отобрать лучших учащихся для обучения в своем классе. Он сортирует детей, безапелляционно оценивая их мастерство и природные данные, а их родители – жалкие и униженные с трепетом ждут его приговора. Чьей-либо критики в адрес исполнительской деятельности своего мальчика Миля не боялась, она твердо решила, что он никогда не будет выступать публично. После его призыва в армию, она быстро сообразила – за годы службы Мурад не сможет не потерять свои профессиональные навыки, а потому после его отъезда сразу же приступила к обработке общественного мнения. В избранном кругу Джамиля постоянно разглагольствовала о том, как сын, отслужив, продолжит свое образование, а став дипломированным специалистом никогда не опустится до уровня артиста, чей менталитет национальными традициями веками приравнялся к статусу лакея.

– Мурик никогда никого не станет убаживать или развлекать. У мальчика возвышенная душа, и он не успокоится до тех пор, пока полностью не реализует свой талант в области педагогики! – утверждала мать.

Азарханова твердо решила сделать все возможное, чтобы сын стал гордостью семьи. Она фанатично верила – несколько лет упорного труда, и ее отпрыск в глазах окружающих поднимется до ранга «домлы» – учителя, чей авторитет в народе настолько высок, что к его мнению прислушиваются даже аксакалы... Еще обучаясь в столице на дирижерско-хоровом факультете, Джамиля сформулировала для себя идею, витающую в атмосфере творческого вуза: талантливым педагогом, мастером, считается только тот, кого окружают одаренные ученики. Это было главное, из-за чего она сгноила Эвелину. Милю вдохновляла возможность передать сыну отлично адресированных студентов подруги, тем самым создав парню надежную стартовую площадку для карьеры. Азарханову не смущало то, что у Пазевской было фундаментальное образование и огромный опыт работы в силу чего контраст между ней и ее неоперившимся сыночком вызовет у подростков бурю негодования. Миля не без основания полагала, что их родители, зарекомендовавшие себя после скандала с Эвелиной Родионовной в глазах общественности доносчиками, поостерегутся в течение ближайших лет писать на Урманова жалобы, а за это время Мурад успеет, поднабравшись педагогического опыта, создать себе имидж молодого перспективного дарования.

– Уж в этом-то моему мальчику никто не сможет помешать! Я великолепно все подстроила, и теперь любые его профессиональные промахи не выйдут за пределы класса. Годы летят быстро, оглянуться не успеем, как он получит диплом и заматерееет. Вот тогда-то я и поставлю его во главе отдела специального фортепиано. После этого в ближайшие тридцать лет без его подписи ни одна юная пианисточка из нашей автономии не сможет даже подать документы ни в один профилирующий вуз страны! Я с восторгом буду наблюдать, как перед ним станет пресмыкаться местная интеллигенция.... И пусть кто-нибудь посмеет сказать против Мурика хоть слово! С нашими связями, да с его положением, сгноим наглеца! Устроим такую жизнь, после которой вонючий зиндан ему покажется курортом! – подытожила свои размышления Джамиля.

Помимо радости за будущее сына, чувство глубокого удовлетворения у Азархановой вызвало сообщение, полученное в обкоме: к ноябрьским праздникам, в связи с двадцатилетием ее педагогической деятельности принято решение о присвоении ей звания «Заслуженного деятеля искусств». Миля мечтала, после этого выбить себе высокую должность в правительстве, чтобы впоследствии иметь возможность претендовать на место министра культуры их автономии.

Кроме этого, особое, непередаваемое блаженство ей доставило сообщение мужа, регулярно посещающего Пазевскую о том, что лечение по-тайски Лине не помогло. Джамиля сама удивлялась, насколько сильно ее переполняло злорадство. Казалось, она могла бы и успокоиться: у Эвелины ничего хорошего не осталось, ни здоровья, ни мужа, ни работы, ни удовлетворения за судьбы детей. Так нет же... Миле, как воистину артистической натуре, нестерпимо хотелось довести дело до кульминационной точки. Ее сжигало желание проводить подругу в последний путь на театральный манер. Она лелеяла мечту появиться на кладбище во главе свиты из высшего городского начальства и ослепить сослуживцев, учеников и почитателей Эвелины своей молодостью, элегантностью и красноречием. Для этого мероприятия она уже отрепетировала душеспасительную речь и приобрела за баснословные деньги французский черный шелковый костюм, аксессуары из черной кожи и роскошный гарнитур из крупного натурального жемчуга. Джамилю настолько подстегивало нетерпение доиграть до конца этот блестяще, с ее точки зрения, организованный спектакль, что она хотела знать о ситуации в доме Пазевской из первых рук. Поэтому, она и поручила мужу заезжать к Лине не реже двух раз в неделю.

Исмаил согласился регулярно навещать Эвелину Родионовну, так как искренне полагал, что только ее трудами Мурад хорошо окончил училище, а поскольку жена выдавала ему информацию в строго дозированном виде, он и не подозревал обо всей подоплеке этого дела.

Накануне вечером Иса вернулся от Пазевских поздно, от ужина отказался и после настойчивых расспросов жены, честно обрисовал критическое положение Лины. Нервно приподняв тонкие брови, Миля с довольной улыбкой предложила мужу по такому случаю выпить по рюмочке. Исмаил хмуро посмотрел на супругу и отказался, сославшись на головную боль. Джамилю обескуражил отказ мужа составить ей кампанию, между тем ей даже в голову не пришло, что его могла шокировать подобная циничность.

Неприязнь между женщинами Иса воспринимал, как явление нормальное, но реакция жены на известие о безнадежном положении Эвелины Родионовны его откровенно возмутила. Возможно, он не прореагировал бы столь бурно на поведение Джамили, не будь в отношении с семьей Пазевских втянуто его сердце. Приезжая к ним после работы на часок-полтора, Азарханов там отдыхал душой и телом. Сидя на айване на чисто вымытой террасе и вдыхая запах политой земли, он впадал в эйфорию. В этот момент он с нежностью вспоминал отчий дом и сад, который обрабатывал вместе с братьями. Татьяна своей милой, бесхитростной улыбкой и простотой в обращении буквально гипнотизировала его. Исмаил расцветал, глядя в спокойные и грустные глаза молодой женщины, такой доброй, заботливой, и к тому же внимающей ему с искренним интересом. Его завораживали ее медлительные, проникнутые степенной грацией

движения, тихий вкрадчивый голос, длинные пушистые волосы и красиво очерченные полные ноги. Ему было так хорошо, что он начинал грезить наяву. Исе казалось, будто он счастлив, и это его дом, а Таня его жена, что в комнатах спят отмытые добела толстощекие, румяные ребятишки, что в саду наливаются соком помидоры, зреют персики и виноград, а квартира на третьем этаже, которой так гордилась Миля, сгорела дотла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.